

ВЪ ОГНѢ.

БОЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ УЧАСТНИКОВЪ ВОЙНЫ.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНІЕ. — СТРАШНО НАЧАЛО. — НАКАНУНѢ
ВОЯ. — ПОДЪ ЛЬВОВОМЪ. — У ТОМАШОВА. — КАКЪ СРАЖА-
ЮТСЯ АВСТРІЙЦЫ. — ПИСЬМО ДОБРОВОЛЬЦА. — РУССКІЕ И
НѢМЦЫ. — КУЗЬМА КРЮЧКОВЪ. — ПОДВИГЪ ГУСАРА. — ВЪЯ-
ТІЕ ОРУДІЯ. — ГЕРОЙ ВЕЛОСИПЕДИСТЪ. — ВЪ ПЛѢНУ. — ПОД-
ВИГИ КАЗАКОВЪ. — ВОЙ ВЪ ОБЛАКАХЪ. — РѢДКІЙ ГЕРОЙ. —
ВЪ ПОЛЬШѢ. — КАЗАЦКАЯ ПИКА. — ЮНОША ГЕРОЙ. —
СИМВОЛИЧЕСКІЙ ТРОФЕЙ. — КОРОЛЬ СОЛДАТЪ. — ГЕРОЙ
ЛЪБЖА. — РАЗСКАЗЫ РАНЕННЫХЪ И ПРОЧ.

П Е Т Р О Г Р А Д Ѣ .

Типографія Т-ва „ГРАМОТНОСТЬ“, 5-ая Рождественская, 44.

1914 .

БИБЛИОТЕКА
Государственной библиотеки
№ 17809
5 XI 1931г.

М

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ.

(Изъ разсказа раненаго).

Нашъ полкъ подвигался довольно быстро—версть по 18—20 въ сутки, останавливаясь лишь на ночлегъ и для обѣда .

Издали доносилась трескотня ружейной перестрѣлки.— это передовые разъѣзды «обмѣнивались привѣтствіями» съ неприятельскими разъѣздами.

Наконецъ, въ воскресенье около 12 часовъ дня было приказано остановиться. Разнесся слухъ, что разъѣзды «нащупали» болѣе значительныя нѣмецкія силы.

Около 4 часовъ дня, подвигаясь перебѣжками, сначала по взводно, затѣмъ звеньями, добрались мы до пунктовъ позволяющихъ обстрѣливать неприятельскіе окопы.

Огонь открыли на двѣ тысячи шаговъ. Зажужжали пули и солдатики, осыпавъ себя крестнымъ знаменемъ, сосредоточенно занялись обстрѣливаньемъ окоповъ противника, выбирая мишенью каждый выдающійся бугорокъ.

Когда непрерывными перебѣжками добрались шаговъ на 800 и начали ясно различать нѣмецкіе окопы, то замѣтили, что нѣмцы бросаются на хитрость: втыкаютъ въ землю штыки и надѣваютъ на нихъ каски.

Хитрость эта была замѣчена и привела всю цѣль въ шутовское настроеніе.

Несмотря на все учащавшіеся случаи попаданія неприятельскихъ пуль, перестрѣлка уже не производила никакого впечатлѣнія; каждый какъ-то сосредоточился на линіи неприятельскаго бруствера и зорко слѣдилъ, гдѣ покажется бугорокъ бритой нѣмецкой головы.

Я отчетливо видѣлъ, какъ послѣ одного моего удачнаго выстрѣла, надъ окопомъ взметнулись двѣ руки и сразу скрылись за окопомъ.

Сердце радостно забилося,—ага, мерзавецъ, одной винтовкой меньше!

Именно, мысль мелькнула не о «человѣкѣ», который стрѣлялъ, а о той «винтовкѣ», которую мнѣ удалось заставить замолчать и не посылать въ наши ряды пазойливо жуужавшія пули.

Съ каждой новой перебѣжкой сердце начинало тревожно колотиться, нетерпѣливо ожидая кульминаціоннаго пункта боя,—команды «ура». Съ этимъ моментомъ у меня соединялось представление, какъ о волшебномъ моментѣ, когда «обязательно» долженъ прекратиться этотъ убиственный огонь и неприятель въ паникѣ и безпорядкѣ бросится бѣжать, позиція будетъ занята нами и можно будетъ нѣсколько отдохнуть отъ трехчасоваго страшнаго нервнаго напряженія и привести свои мысли...

Ни на одну секунду у меня въ головѣ не промелькнула мысль, что ударъ нашей атаки окажется недостаточнымъ, что насъ встрѣтитъ сильный отпоръ, что придется отступить...

Наконецъ, рѣшительный моментъ наступилъ. Съ праваго фланга сперва слабо и неясно, затѣмъ громче и ближе перекатами понеслось знакомое «ура».

Сердце на мгновение перестало биться, кровь быстро ударила въ голову затѣмъ, какъ-то сразу отхлынула и я почувствовалъ необычайный приливъ энергии, крѣпко сжалъ въ рукахъ винтовку и намѣтивъ глазами передъ неприятельскимъ окопомъ маленькую ложбинку бросился бѣжать, какъ можно скорѣе...

Когда наша цѣль очутилась шагахъ въ сорока отъ траншеи, нѣмцы начали выскакивать изъ окоповъ и, бросая оружіе, подымали руки вверхъ... Мы остановились, держа все-таки ружья на-перевѣсъ.

Тяжело дыша, мы медленно подымались изъ ложбинки на окопъ, но лишь только первая цѣль поднялась надъ уровнемъ бруствера, какъ произошло нѣчто необычайное и совершенно неожиданное.

Первые ряды безоружныхъ нѣмцевъ бросились бѣжать, стоявшие позади батальоны и нѣсколько пулеметовъ встрѣтили насъ такимъ свинцовымъ дождемъ, что солдаты начали падать цѣлыми рядами.

Мы снова залегли въ окопахъ и начали перестрѣлку, пока не подошла наша артиллерія и не сбила неприятельскіе пулеметы.

Теперь, чувствуя вокругъ стоны многочисленныхъ раненыхъ, сердце уже закипало злобой къ этимъ подлымъ людишкамъ, было до слезъ жалко такъ предательски убитыхъ това-

рищей, ставших вдруг такими близкими и дорогими сердцу въ своихъ сѣрыхъ запыленныхъ блузахъ, выпачканныхъ на груди землей отъ стрѣльбы лежа.

Казалось, если бы сейчасъ наступить въ атакѣ «подлого нѣмчура», то я былъ бы способенъ зубами перегрызть каждому изъ нихъ горло.

СТРАШНО НАЧАЛО.

Письма съ войны лишній разъ подтверждаютъ беззавѣтное мужество нашихъ войскъ.

Участникъ войны, г. III-нъ, получившій боевое крещение, пишетъ: «За три дня до боя мы знали, что намъ предстоитъ горячая схватка съ непріателемъ. Эти три дня надолго останутся у меня въ памяти. Я по природѣ не трусь, но, тѣмъ не менѣе, каюсь—пріунылъ. Невольно мнѣ вспомнились тѣ, кто былъ обреченъ и ждать смерти въ опредѣленный срокъ... Мои товарищи-однополчане какъ-то притихли. Большинство было занято писаніемъ прощальныхъ писемъ къ роднымъ и знакомымъ. Нашъ общій съ вами знакомый, Петръ Васильевичъ, тоже усѣлся за письмо. Спрашиваю:—Кому пишешь?—Дарьф... (это его бывшая прислуга).—О чемъ?—Прощаюсь и прошу, чтобы моего Лорда берегла... (Лордъ, это—его лягашъ). Отшелъ отъ него съ еще большей тяжестью на сердцѣ. Въ такомъ кошмарѣ прошло три дня. Въ тотъ день, когда намъ предстояло идти на врага, рано утромъ мы получили приказъ о выступленіи. Молча, сосредоточенно-угрюмо вышли мы изъ лагеря. Часа черезъ три о нашей угрюмости не было и помина. Мы дрались съ нѣмцами, забывъ обо всемъ. Бой былъ горячій. Многие не вернулись. Петръ Васильевичъ тоже. Еще болѣе пало враговъ. Возвратились мы съ боя усталые. Насъ зовутъ къ котламъ съ пицей, но намъ не до пици. Устали отъ пережитаго, и хочется только одного—уснуть, забыться... Для отдыха былъ данъ намъ день, послѣ чего предстояла новая схватка. И вотъ тутъ-то проявилась странность натуры человѣческой. До боевого своего крещенія мы испытывали, не скажу—страхъ, а нѣкоторое смущеніе передъ неизвѣстностью, а теперь, мы были веселы, шутили, никому и въ голову не приходило писать прощальныя письма. Отъ прежняго унынія не осталось никакого слѣда. Выступили мы изъ лагеря съ пѣснями. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ можетъ привыкнуть... даже умирать съ пѣснями. Его страшитъ только начало, а потомъ ему все нипочемъ»...

*уже
сей
и у него
было*

ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ БОЮ.

(Разсказъ раненаго).

— Не назову части, гдѣ служу,—такъ началъ свой разсказъ раненый офицеръ-артиллеристъ,—не назову даже мѣста, гдѣ мы дрались... намъ воспрещено объ этомъ говорить... Но о томъ, что я пережилъ въ бою, я могу вамъ разсказать.

— Въ мирное время трудно постичь, — что такое — дѣйствительный бой... Знаю, что я долженъ наводить орудія; знаю, что я долженъ стрѣлять въ непріятеля; знаю, что, чѣмъ больше я выведу изъ вражескаго строя солдатъ, тѣмъ лучше для меня и для нашей арміи. Это, если хотите знать,—конечная цѣль всякой арміи... Но все это только въ теоріи, въ сознаниі моего «я», но въ чувство это сознание не отложилось... и поэтому моя совѣсть спокойна... нѣтъ страданій...

Но вотъ объявили войну, нашу бригаду отправили на театръ военныхъ дѣйствій... Охотно иду я, охотно идутъ другіе. Всѣ думаемъ одно и то же. Стрѣлять въ непріятеля и выводить какъ можно больше изъ строя.

Пришли. Намъ сказали, что завтра утромъ начинается бой, указали мѣсто, вручили начальнику бригады планъ дѣйствій нашей артиллеріи. И отъ этого момента въ душу проникъ ужасъ. Не страхъ за себя, не трусость передъ врагомъ, а какой-то безотчетный трепетъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ.

Въ шесть часовъ утра мы открыли огонь по невидимому, но предполагаемому непріятелю... Къ полудню намъ сказали, что цѣлый нѣмецкій корпусъ старается обхватить наше правое крыло... Намъ скомандовали: направо-марш!, и мы пошли. Занимаемъ новыя позціи и ждемъ. Вдругъ видимъ: идетъ непріятель. Одновременно непріятельская артиллерія открыла противъ насъ огонь. Навожу орудіе, отдаю приказъ, а самъ чувствую себя точно въ кошмарномъ снѣ. Въ четвертой батарее начинаютъ таять наши офицера... Я—въ третьей батарее. У насъ пока безъ потерь, Вижу, нѣмцы пошли въ атаку! Одинъ полкъ, другой... Навожу орудіе, пускаю снарядъ... въ самую гущу перваго полка... потомъ второй снарядъ, третій... Вижу, какъ падаютъ люди, вижу даже, какъ взлетаютъ кверху разорванныя на части трупы...

Проходитъ полчаса... Одинъ полкъ непріятеля разстрѣлянъ, разстрѣлянъ второй, а я все навожу и стрѣляю... Нервная дрожь исчезаетъ, я прихожу въ ярость и безъ всякаго состраданія паю въ непріятеля... А онъ все подступаетъ, и все ложится. Я не понимаю вражескаго маневра. Но что мнѣ онъ

сейчас? Что мнѣ его замыслы? Я занимаю удачную позицію и кошу его, точно крѣпкій батракъ, съ косою въ рукахъ забравшійся на густое клеверное поле.

Въ первую ночь уснуть не могъ. Какъ-то невольно рисуется въ глазахъ: поле сраженія... идутъ нѣмецкіе полки, а я стрѣляю въ самую гущу людей... взлетаютъ кверху руки, ноги, головы, цѣлыя туловища... Страшно подумать...

НАКАНУНЪ БОЯ.

(Изъ солдатскаго письма).

Г-жею Х. получено отъ своего б. лакея, нынѣ нижняго чина дѣйствующей арміи, письмо, характеризующее настроеніе взятыхъ изъ запаса поляковъ.

«Мы считаемъ часы и минуты, когда, наконецъ примемъ участіе въ войнѣ, и ждемъ только команды итти въ бой.

Мнѣ не страшно. Жаль только, что не успѣлъ попрощаться съ родными и знакомыми.

А такъ живемъ весело и бодро. Офицеры придаютъ намъ храбрости. Не такъ уже страшень австріецъ, какъ его рисуютъ.

Нашимъ войскамъ удалось уже взять въ плѣнъ не мало австрийцевъ. Скоро и мы пойдемъ въ бой со штыками въ рукахъ.

Какъ подумаю, что придется итти подъ градъ пуль и на штыки, такъ мурашки по тѣлу забѣгаютъ. Но вотъ приходитъ офицеръ. Садимся вокругъ него, и онъ намъ рассказываетъ разные случаи изъ прошлыхъ войнъ, изъ войны съ Японіей, а иной разъ и смѣшное что-нибудь скажетъ.

Въ ожиданіи боя солдаты собираются группами и только и толкуютъ о томъ, какъ это будетъ въ бою, когда завизжатъ пули со всѣхъ сторонъ. Одинъ поетъ, другой задумался, третій пляшетъ. Всѣ, однако, на-чеку: во снѣ бредятъ, ругаются. Спишь, насторожившись: не кричатъ ли на врага. Спимъ, не раздѣваясь, въ амуниціи, гдѣ придется—на травѣ или въ другомъ мѣстѣ.

Тяжела жизнь солдатская, но я присягалъ перенести всѣ тягости и долженъ все терпѣливо перенести.

Мучить меня только, что не отдалъ я вамъ своего долга. Если вернусь, непременно отдамъ, а если не вернусь, то простите мнѣ его»...

РАЗСКАЗЪ РАНЕНАГО ОФИЦЕРА.

«Раненъ я былъ, когда мой разъѣздъ завязалъ перестрѣлку съ неприятельскимъ.

Въ первый моментъ я не замѣтилъ раны, почувствовалъ только, что въ ногу что-то ударило, но когда подо мной была убита лошадь, я упалъ и не могъ подняться. А нѣмцы нѣкоторое время старались таки меня добить. Пули такъ и свистѣли. Когда немного стихла стрѣльба, я поползъ. Тутъ меня замѣтилъ корнетъ нашего же полка. Подъ огнемъ онъ подскакавъ ко мнѣ, посадилъ къ себѣ на коня и вывезъ изъ огня. Недѣльки черезъ двѣ надѣюсь опять въ строй. Вотъ только сѣдло придется купить.

Встрѣчаться мнѣ приходилось только съ неприятельской конницей. Это кирасиры и уланы. Рослый, прямо громадный народъ и одѣтъ въ хаки. Все очень хорошее и мундиры и рейтузы цвѣта хаки, а сапоги желтые. На головахъ у кирасиръ каски, а у уланъ кивера. И то и другое въ защитнаго цвѣта чехлахъ. Довольно курьезное впечатлѣнiе.

И мы, и они при встрѣчѣ конныхъ небольшихъ частей стрѣляли съ коня.

Въ началѣ они легко попадали въ плѣнъ.

Штыка у нихъ совсѣмъ нѣтъ, кабинъ коротки, много короче нашей винтовки съ пятипатроннымъ магазиномъ. А ужь палаши у нихъ совсѣмъ игрушечные. Мы прозвали ихъ «Дойниковскими».

Очевидно, что Германія въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не ожидала нашего рѣшительнаго наступленія.

Мы застали въ странѣ массу зерна, сѣна, живности всякой, массу лошадей и частенько ловили ихъ.

Только жители разбѣжались.

А гдѣ не разбѣжались, тамъ ведутъ себя подлецами. Приѣзжаешь съ разъѣздомъ въ селеніе. Сидитъ на лавкѣ бородатый пруссакъ-ландштурмистъ, шапку спимаешь, кланяется. А чуть проѣхалъ, хватываетъ изъ подъ лавки ружье и стрѣляетъ въ спину.

Дѣло въ томъ, что всему ландштурму (ихъ ополченіе) роздано оружіе — ружья старыхъ системъ, револьверы; а то стрѣляютъ изъ охотничьихъ ружей, изъ монтекристо... Одинъ солдатъ изъ нашего эскадрона раненъ былъ охотничьею картечью. Случалось проходить сквозь стрѣляющія деревни. Изъ всѣхъ оконъ пальба.

Понятно, что въ такихъ случаяхъ мы не церемонились.

Приходилось мнѣ отъ очевидцевъ слышать, какъ они добываютъ нашихъ раненыхъ. Отъ нихъ можно какой угодно пакости ожидать. Бываютъ исключенія, но очень рѣдко. Вотъ, когда я былъ раненъ, произошелъ такой случай: со мной вмѣстѣ былъ раненъ рядовой. Корнетъ, вывезшій меня, не могъ посадить на одну лошадь еще третьяго, и раненый остался. Часа черезъ два, когда наши получили подкрѣпленіе и выбили нѣмцевъ изъ того мѣста, гдѣ я упалъ, раненаго рядового нашли перевязаннымъ и покрытымъ попоною... Но это ужъ, навѣрно, не пруссаки сдѣлали. Тѣ бы пристрѣлили.

Случалось, что кидался и одинъ нашъ молодецъ и прогонялъ пятерыхъ и болѣе нѣмецкихъ кирасиръ и уланъ.

Бывали славные случаи. Одинъ нашъ кавалеристъ былъ посланъ съ донесеніемъ, на него неожиданно напали три улана. Онъ не растерялся, мигомъ справился: одного пикой проткнулъ, другого шашкой зарубилъ (пика некогда было выдергивать), а третій ускакалъ. Молодчина снялъ съ убитыхъ снаряженіе и привезъ эти трофеи вмѣстѣ съ донесеніемъ.

Огня нѣмецкіе кавалеристы не выдерживаютъ.

Однажды разъѣздъ въ семь человекъ при офицерѣ, въ перестрѣлкѣ со взводомъ нѣмецкой конницы, человекъ 20 — 25, потерялъ убитыми и ранеными четырехъ коней. Нѣмцы было кинулись. Тогда наши привязали трехъ коней къ дереву, пѣшие залегли и открыли бѣглый огонь. Нѣмцы бросились въразсыпную. Тѣмъ временемъ плохо привязанные кони разбѣжались. Не ловить же ихъ. Тогда наши, прогнавъ нѣмцевъ, пѣшкомъ вернулись къ эскадрону. Вообще наши солдатики ведутъ себя молодцами».

ПОДЪ ЛЬВОВОМЪ.

Одинъ изъ раненыхъ, полковникъ, передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ послѣднихъ боевъ.

— Австрийцы—трусы. Несмотря на численный перевѣсъ, они отступаютъ—немедленно сжигаютъ свои дома.

Наши войска на своемъ нобѣдномъ пути заставляли въ оставленныхъ австрійскихъ деревняхъ сплошную пустыню. 15-го августа возлѣ деревни Жуково подъ Львовомъ показались австрийцы. Наши открыли огонь и австрийцы стали отступать.

Полковникъ 15-го августа находился въ отрядѣ, посланномъ на развѣдки, гдѣ находились непріятельскіе отряды. Пройдя до деревни Жуково, онъ убѣдился, что тамъ сосредоточена австрійская кавалерія. Надъ головами русскихъ воиновъ свистѣли пули, но наши войска не замѣчали ихъ и наступали на врага. Огонь сталъ усиливаться! Тогда наши войска открыли стрѣльбу по непріятелю. Не прошло и десяти минутъ, какъ австрійцы отступили, очистивъ деревню.

Когда наши войска вошли туда, то тамъ никого не было. Нѣсколько австрійцевъ были взяты въ плѣнъ. Нашимъ солдатамъ очень хотѣлось увидѣть австрийца. Видъ австрійцевъ былъ изможденный.

Обмундировка у австрійцевъ похожа на нашу. Только шапки у солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ съ козырьками съ обѣихъ сторонъ, цвѣтъ хаки и на околышѣ красная лента, а у запасныхъ чиновъ шапки безъ козырьковъ.

Сапоги у солдатъ на дѣйствительной службѣ черные, покороче нашихъ, а у запасныхъ желтые, при чемъ брюки застегнуты до низу. Пули у австрійцевъ такія же, какъ наши, только обоймы меньше нашихъ! Бодрость духа, и страшное желаніе нашихъ солдатъ вступить въ бой совершенно обезкураживали австрійцевъ.

Полковникъ раненъ въ лѣвую ногу на вылетъ. Отославъ вѣстовыхъ на развѣдку, онъ наткнулся случайно на четырехъ австрійскихъ кавалеристовъ. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ австрійцы начали цѣлиться въ него въ упоръ. Полковникъ взмахнулъ саблею и австриецъ упалъ замертво. А тѣмъ временемъ выстрѣломъ изъ револьвера полковникъ ранилъ двухъ другихъ австріаковъ, причемъ одинъ изъ нихъ прострѣлилъ лѣвую ногу полковнику. Когда прибыли вѣстовые, полковникъ на рукахъ вѣстовыхъ былъ отнесенъ въ лазаретъ. Общее мнѣніе, по словамъ полковника, что рускіе

солдаты совершенно сроднились со своими начальниками-офицерами. Русские солдаты проявляют въ полномъ смыслѣ чуда храбрости и рвутся въ бой.

Отступление австрийцевъ, сопровождаемое поджогомъ своихъ деревень и городовъ, приводитъ нашихъ солдатъ въ ярость.

КАКЪ СРАЖАЮТСЯ АВСТРИЙЦЫ.

Австрийцы шли сомкнутыми рядами, кавалерія по бокамъ во взводныхъ колоннахъ, и наши ихъ косили лихо. Кавалеристы, завидѣвъ казаковъ, одной рукой закрывали глаза, а другой только отмахивались шашкой... Когда теряли шашку, хватались за револьверы, и потому у нашихъ раны, главнымъ образомъ, отъ тупыхъ ударовъ. У насъ потери поэтому почти всегда незначительны. На десятокъ нашихъ раненыхъ приходится 40 австрийцевъ.

Австрийцы успѣли уже выказать во всей полнотѣ свой подлый характеръ. Когда мы пошли собирать раненыхъ, они стали отстрѣливаться изъ револьверовъ, кто былъ въ силахъ, конечно. Такъ поступали всѣ—и рядовые, и офицеры, и даже мадьярскій генераль. Тотъ выстрѣлилъ въ казачьяго есаула, да промахнулся.

...Австрийцевъ передъ сраженіемъ поднаиваютъ, рассчитывая, что пьяные они будутъ храбрѣе драться. Отъ раненыхъ и плѣнныхъ австрийковъ, несетъ какъ изъ виннаго погреба. Нѣкоторые еле на ногахъ держатся. Наши же о винѣ перестали и думать.

Австрийцы сдаются въ плѣнъ толпами, безъ всякаго сопротивления.

ПОДРОБНОСТИ БОЯ У ТОМАСОВА.

Въ Кіевъ прибылъ офицеръ, раненый въ бою близъ Томашова, Люблинской губерніи.

Раненый офицеръ рассказываетъ:

— Бой продолжался около трехъ сутокъ.

Лѣвое крыло австрийцевъ, дѣйствовавшихъ пулеметами, стало надвигаться на наше правое крыло.

Грескъ пулеметовъ совершенно заглушалъ слова команды и не давалъ возможности дѣлать распоряженія. Но наши солдаты, благодаря прекрасной подготовкѣ, обнаружили громадную инициативу.

Когда стала приближаться австрійская пѣхота наши солдаты, не ожидая команды, сами стали опредѣлять прицѣль, показавъ себя при этомъ отличными стрѣлками.

Огонь нашей пѣхоты выбилъ изъ строя австрійскихъ офицеровъ, и вызвалъ въ ихъ рядахъ полное смятение. Затѣмъ пошла стрѣльба вразсыпную.

Наконецъ, мы бросились въ атаку.

Австрійцы стали послѣдно выбрасывать бѣлые флаги.

Когда мы совсѣмъ приблизились къ неприятелю, то замѣтили, какъ австрійцы бросали оружие и сдавались въ плѣнъ. Нами взято въ плѣнъ 700 человекъ.

Среди нихъ не оказалось ни одного офицера. Всѣ они были перебиты нашими стрѣлками.

Такие случаи повторялись и въ дальѣйшемъ.

Какъ только австрійскій полкъ лишался офицеровъ, австрійцы выбрасывали бѣлый флагъ, бросали оружие и сдавались въ плѣнъ.

Австрійцы, прекрасно пользуясь пулеметами и артиллерией, совсѣмъ не выносятъ штыковой атаки, уклоняются отъ нея и послѣдно сдаются въ плѣнъ.

Вблизи Замостья мы стали пробираться къ австрійскимъ позиціямъ.

Насъ встрѣтилъ дождь пуль.

Мы ползли на животѣ.

Когда мы оказались въ ста шагахъ отъ австрійцевъ, наши солдаты не выдержали и съ криками «ура» бросились на австрійцевъ.

Атакующие немедленно выбросили бѣлый флагъ.

Остальные части бросились въ паническое бѣгство, оставивъ намъ, кромѣ плѣнныхъ, много орудій, обозъ, денежный ящикъ и двѣ корзины съ солдатскими письмами.

У СОКАЛЯ.

Нѣмецкія газеты описываютъ дѣйствія у Сокаля, какъ свою побѣду. Что это — ложь, явствуетъ даже изъ краткихъ выписокъ изъ писемъ офицеровъ, бравшихъ Сокаль. «Русскій Инвалидъ» приводитъ эти выдержки.

«29-го юля утромъ мы перешли границу. Я былъ въ аван-

гардѣ съ казаками. Многие крестились, когда миновали пограничный столбъ. Вскорѣ наткнулись на пѣхоту. Мелкія части австрійцевъ быстро отступали. Въ д. Скоморохи была первая серьезная стычка. Когда я выѣхалъ на позицію, по мнѣ открыли довольно серьезный огонь. Для вліянія на людей пришлось какъ ни въ чемъ не бывало цинать горохъ—мы были на гороховомъ полѣ. Послѣ нашего огня, австрійцы сразу притихли. Въ деревню я выѣхалъ съ первыми одиночными казаками.

На полѣ валялись убитые. Не забуду первого убитого австрійца, на котораго я наткнулся: онъ былъ черенъ, какъ земля, зубы оскалены, пальцы впились въ землю. Въ деревнѣ жители поднесли мнѣ хлѣба и воды.

Потомъ пошли на Сокаль. Въ городѣ была австрійская пѣхота (кажется полкъ) и два съ половиной кавалерійскихъ полка. Съ восточной стороны окопы и заграждения. Подъ огнемъ австрійцы скоро побѣжали. Первыми ворвались въ городъ №...іе драгуны. Когда я проѣзжалъ по улицамъ, меня поразили ихъ пустынный видъ: все бѣжало или попряталось, но отдѣльные люди стрѣляли въ насъ изъ оконъ. Съ ними поступали рѣшительно. Потомъ мы взорвали станцію и мосты. Къ вечеру городъ запылалъ въ разныхъ мѣстахъ. Это была жуткая картина. Часовъ въ 11 вечера насъ вывели изъ него. Задача передовой конницы была исполнена».

Б О Й.

(Разсказъ раненаго офицера).

Бой начался на самой нашей границѣ съ Австріей. 10 часовъ утра послышались выстрѣлы. Австрійскія войска, будучи въ превосходныхъ силахъ, заняли лѣсъ, впереди котораго были построены окопы. Лишь только батальонъ остановился на привалѣ, разъѣздъ немедленно сообщилъ о нахожденіи противника въ лѣсу. Тотчасъ же были введены три роты батальона, а четвертая рота оставлена въ резервѣ. Настроеніе солдатъ четвертой роты было повышенное, и всѣ они рвались въ бой. Наконецъ, было сообщено, что резервъ будетъ введенъ ночью. Передать радость солдатъ невозможно. Всѣ они ждали минуты, когда сойдутся съ врагомъ.

Поручикъ находился именно въ четвертой ротѣ. Огонь усиливался. Вдругъ поручикъ почувствовалъ какой-то тупой

ударъ ниже колѣна. Непрiятельскiя пули продолжали свистать. Возлѣ поручика появился вѣстовой, и они вмѣстѣ отошли къ дереву, и только тогда онъ почувствовалъ, что онъ раненъ въ ногу. Поручикъ съ трудомъ переползая къ перевязочному пункту, замѣтилъ, что австрiйцы зашли въ лѣвый флангъ, такъ какъ пули посыпались съ лѣвой стороны. Не имѣя силъ добраться къ лазарету, онъ упалъ и былъ поднятъ санитарями, которые отнесли его къ лазаретной линейкѣ и доставили на эвакуационный пунктъ.

Въ течение дня перевѣсъ былъ на сторонѣ австрiйцевъ, но къ 6-ти часамъ вечера австрiйцы оставили лѣсъ и окопы и отступили. На другой день бой продолжался съ переменнымъ успѣхомъ, а затѣмъ успѣхъ перешелъ на сторону нашихъ, которые разбили цѣлую дивизию и взяли огромное количество австрiйцевъ въ плѣнъ.

Несмотря на то, что количество австрiйцевъ было въ полтора раза больше нашихъ, побѣда осталась на нашей сторонѣ, а главное въ плѣнъ была взята дивизия, которая начала наступление за нѣсколько дней назадъ.

Одежда австрiйцевъ значительно темнѣе нашей. Всѣ они въ мундирахъ и шароварахъ, салогъ нѣтъ, носятъ ботинки, а брюки къ низу застѣпнуты на пуговицы. Шапки австрiйцевъ похожи на прежнiя русскiя кеши, которыя были во время турецкой войны. Кавалерiя въ парадныхъ головныхъ уборахъ.

Особой жестокости къ населенiю австрiйцы не выказывали. Населенiе, гдѣ проходили австрiйскiе разъѣзды не жалуется на ихъ дѣйствiя.

Пули у австрiйцевъ на подобiе нашихъ, но немного большаго калибра. Въ схваткахъ нашихъ съ австрiйскими войсками, примѣненiе ими пуль «думъ-думъ» не было установлено, но зато польскiе соколы употребляютъ разрывныя пули...

Во время прохода нашихъ войскъ населенiе относилось весьма доброжелательно.

По дорогѣ всѣмъ раненымъ было выражено большое сочувствiе. Уходъ за ранеными былъ идеальный. О раненыхъ герояхъ заботятся всѣ, начиная отъ высшаго персонала лазарета до низшаго. Во время слѣдованiя поѣзда на станцiяхъ крестьяне раздавали всѣмъ раненымъ по бутылкѣ молока, хлѣба, предлагали подушки, чтобы имъ было легче лежать.

РАЗСКАЗЪ КОРНЕТА.

Раненый гусарскій корнетъ подѣлился своими впечатлѣнiями:

«Нѣмцы стрѣляютъ паршиво. Мы пошли на нихъ лавой черезъ лѣсъ. Огонь былъ сильный, попаданiи совсѣмъ мало, хотя дошли мы на полтора ста шаговъ. Ближе не пришлось. Они отступили.

— Какой лавой, черезъ лѣсъ?—спросилъ я.

— Да, лавой; на войнѣ бываетъ то, что странно въ мирное время. Мы дѣлали рекогносцировку, за ночь прошли семьдесятъ верстъ и послали саперъ разрушить мостъ въ тылу противника. Къ мѣсту подошелъ поѣздъ съ охраннымъ батальономъ, и нашъ эскадронъ былъ посланъ обойти его. Шли лавой черезъ крупный лѣсъ. За нимъ поперекъ была дорога съ канавами. По бокамъ дальше мелкiе кусты, еще дальше крупныя кусты, среди которыхъ прятались и перебѣгали нѣмецкiе солдаты. Огонь былъ сильный, я выскочилъ со взводомъ на дорогу и простоялъ оглядѣться. Въ это время меня ударило пулей. Я упалъ съ сѣдла и скатился въ канаву. Холодная вода канавы вернула мнѣ сознанiе. Подбѣжалъ вѣстовой и каптенармусъ, и я пошелъ съ ними на перевязку. Лошадь послѣ моего паденiя остановилась около меня. Домъ нѣмецкаго фермера мнѣ указали, куда итти къ своимъ.

— Значитъ, эти нѣмцы отнеслись къ вамъ человѣчно?

— Эти—да, но нѣмецкiе солдаты жестоки: они добиваютъ раненыхъ.

— Вы сами видѣли?

— Это было въ той же схваткѣ: раненый солдатъ лежалъ между линiями огня. Онъ былъ раненъ въ обѣ руки. Раненый приподнялся, и нѣмцы стали стрѣлять въ него и добились. Мнѣ рассказывалъ товарищъ о случаѣ въ сосѣднемъ отрядѣ: разъѣздъ подошелъ къ нѣмецкой деревнѣ. Офицеръ выѣхалъ впередъ узнать, занята ли она. Спрошенный нѣмецъ сталъ звать войти въ нее. Дозоры двинулись. Раздались три залпа спрятанной засады. Разъѣздъ остался невредимъ. Исчезли безъ вѣсти только дозоры. Стрѣляютъ нѣмцы плохо.

— Какое впечатлѣнiе отъ первыхъ выстрѣловъ.

— На меня никакого особеннаго впечатлѣнiя они не произвели. День былъ солнечный. Картина красивая. Обѣ раны мои, очевидно, отъ одной пули. По рѣкѣ нѣмцы пустили моторную лодку, но она попала подъ пулеметы и пошла ко дну.

ПИСЬМО РУССКАГО ВОИНА.

Мать русскаго воина получила отъ сына съ похода письмо, рисующее настроеніе русскихъ героевъ.

«Дорогая мамочка, выступили мы изъ губернскаго города. Улица, по которой мы шли, была вся разукрашена. По всему пути стояли арки съ надписями: «Желаемъ побѣды», «До скораго свиданья, «Добрый путь». Изъ всѣхъ церквей выходили крестные ходы и насъ кропили святой водой.

Дамы и дѣвицы осыпали насъ цвѣтами, такъ что мы шли по ковру изъ цвѣтовъ. Народъ провожалъ насъ верстъ за пятнадцать за городъ. Шли вперемежку съ публикой. Статскіе ломогали намъ нести винтовки, скатки и мѣшки съ бѣльемъ».

Въ деревняхъ встрѣчали насъ съ колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Бабы выносили навстрѣчу яйца, огурцы, хлѣбъ, яблоки, квасъ молоко—ведрами. У насъ въ рядахъ есть участники русско-японской войны. Они говорятъ, что никогда не видали такихъ проводовъ. Да, необычаенъ подъемъ духа въ эту войну у нашего народа! Самому легче становится, видя народный патриотизмъ.

Въ одномъ селѣ остановились на ночлегъ и расположились по избамъ. Въ избѣ мы съ товарищами-солдатиками заказали самоваръ, яичницу, молоко. Хозяйка ни за что не хотѣла взять деньги. Вообще по дорогѣ крестьяне все съ радостью намъ отдавали, совершенно бесплатно, приговаривая: «кушайте на здоровье».

На всѣхъ привалахъ офицеры обращаются съ нами, какъ съ родными дѣтьми. Въ нашей ротѣ всѣ офицеры удивительно хороши и добрые люди.

Дошли мы до станціи желѣзной дороги откуда поѣдемъ въ воинскомъ поѣздѣ.

Чувствую я себя очень хорошо, подъемъ духа у всего полка удивительный. Всѣ здоровы».

Дальше слѣдуетъ просьба не беспокоиться за судьбу сына и увѣренность, что русскія скоро побѣдятъ нѣмцевъ и вернуться съ торжествомъ на родину.

ПИСЬМО ОФИЦЕРА.

„22 августа 8^{1/2} час. утра. Наконецъ-то намъ удалось спокойно заснуть ночь.

Послѣдніе дни совершенно не спали, находясь то въ походѣ, то въ сторожевомъ охраненіи.

Главный бой былъ 14 подѣ Лощевымъ.

Въ томъ бою мы взяли въ плѣнъ цѣлую дивизию съ 4 знаменами и 25 орудіями; дальнѣйшіе бои были также удачны.

Двѣ ночи пришлось ночевать въ окопахъ; при началѣ разсвѣта начиналась перестрѣлка.

Объ австрійцахъ могу сказать, что наступаютъ они безстрашно и лѣзутъ, лѣзутъ, какъ тараканы, несмотря на нашъ убійственный артиллерійскій огонь, съ другой стороны—они охотно сдаются въ плѣнъ.

Плѣнные говорятъ, что въ первые ряды посылаютъ славянъ, которыхъ сзади подгоняютъ выстрѣлами.

Я все время теперь верхомъ.

Послѣ боя испытываешь странное настроеніе. Какъ только скрылся непріятель, совершенно забываешь, что находишься на войнѣ, словно въ походѣ. Объ ужасахъ боя забыто, словно ихъ и не было.

Страшно было только первыя 5—10 минутъ, а потомъ совершенно ничего не чувствуешь и даже не сознаешь—существуешь ты или нѣтъ, живешь ли ты или уже тебя нѣтъ. Находишься въ какомъ то азартѣ; но зато вечеромъ какой упадокъ силъ!

Послѣ перваго боя, сидя уже въ избѣ за столомъ, я заснулъ во время ѣды, и картошка падала изъ рукъ на полъ-дорогѣ ко рту“.

ПИСЬМО ДОБРОВОЛЬЦА.

Въ началѣ своего письма съ поля брани раненый солдатъ еврей Яковъ М. извиняясь передъ родными за то, что рѣшилъ, не испросивъ ихъ согласія, отправиться на войну. «Надѣюсь,—пишетъ онъ,—что вы, дорогие мои братья и сестры, оцѣните по достоинству мотивы и чувства, руководившіе мною при отправленіи на войну въ качествѣ добровольца. Я не могъ спокойно смотрѣть на тѣ великія событія, которыя развертываются передъ нами. Я исполнилъ свой патріотическій долгъ».

Далѣе описывается путешествіе добровольца до Вильны, процедура зачисленія въ дѣйствующую армию и т. д. Поѣздъ, съ которымъ пришлось ѣхать добровольцу изъ Петрограда, былъ сплошь занятъ запасными, и на всѣхъ станціяхъ поѣздъ встрѣчали патріотическими манифестаціями. Въ Вильнѣ авторъ письма «засталъ все въ обычномъ порядкѣ».

29 июля М. еще съ 80 другими отправили на войну.

«Тебѣ извѣстно,—пишетъ онъ брату,—въ какой полкъ я былъ зачисленъ. Ночью выступили въ полкъ. Шли все впередъ, въ Пруссию, такъ что я впервые попалъ за границу и то безъ паспорта... Днемъ были уже у станціи Lensesipelen. Отдохнули и пошли дальше. 3-го нашъ полкъ получилъ приказаніе взять деревни Бильдвичененъ и Сталупененъ. Недалеко отъ этихъ деревень произошло крупное столкновение съ нѣмцами.

Бой продолжался съ 6 утра до 9 часовъ веч. 4-го августа безъ перерыва. Наша артиллерія производила полное разрушеніе среди неприятеля. Ихъ артиллерія дѣйствовала очень слабо. Когда въ моей ротѣ не осталось никого изъ старшихъ, то я, какъ болѣе интеллигентный, взялъ команду на себя. И согласно имѣющимся инструкціямъ, велъ полуроту впередъ, пока не былъ тяжело раненъ шрапнелью въ правый бокъ. Кромѣ этой тяжелой раны, я былъ контуженъ въ правую руку, обѣ ноги, но эти раны—легкія. Шрапнельная рана очень большая и глубокая и боль невыносимая.

Пока меня подобрала наша санитары, я лежалъ на полѣ брани болѣе 30 часовъ. Меня ранили ровно въ 6 час. 30 мин. вечера 4-го августа,—у меня хватило силы, чтобы посмотрѣть на часы. Первую перевязку я сдѣлалъ самъ себѣ, несмотря на ужасную боль и обильное кровотеченіе. Черезъ нѣсколько часовъ пришли нѣмецкіе санитары. Сдѣлали перевязки и сказали мнѣ, что такъ какъ я очень тяжело раненъ, то взять меня не могутъ, и оставили до прихода русскихъ.

Я лежалъ въ нѣмецкой деревнѣ. Потомъ перевезли на перевязочный пунктъ, въ пяти верстахъ отъ Кибарты. Отсюда поѣздомъ доставили въ Вильну. Сюда прибыли около 2 час. дня 8-го августа, такъ что были свидѣтелями солнечнаго затменія. Здѣсь я себя чувствую удовлетворительно, ибо ухаживательный и тщательный.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ОФИЦЕРА М.

По словамъ М., одежда австрійцевъ вызываетъ смѣхъ у нашихъ войскъ.

Въ послѣднемъ сраженіи на австрійской границѣ принималъ участие 13 уланскій австрійскій полкъ и здѣсь легко обнаружили всѣ дефекты австрійскихъ кавалерійскихъ войскъ.

По мѣрѣ возможности они стараются вовсе не принимать атакъ. Наши уланы, а особенно казаки наводятъ на австрійцевъ паническій страхъ. Достаточно появиться небольшому отряду казаковъ, какъ австрійцы въ беспорядкѣ начинаютъ убѣгать или безъ бою сдаются въ плѣнъ.

Въ цѣломъ рядѣ сраженій выяснилось, что австрійцы не выдерживаютъ натисковъ нашей кавалеріи, извѣстныхъ въ военной терминологіи подъ названіемъ шоконъ.

М. однако полагаетъ, что австрійцы сдаются подъ влияніемъ страха и отсутствія подъема.

Трусость австрійцевъ вошла въ поговорку нашихъ солдатъ, которые идутъ въ атаку на австрійцевъ съ улыбкой.

Для характеристики настроенія нашихъ войскъ М. рассказалъ такой случай:

Однажды онъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ возвращался съ позиціи въ свою часть. Ихъ сопровождалъ разъѣздъ, состоявшій изъ 26 человекъ. Это было въ полѣ. Ночь была очень темная, такъ что на разстояніи 20—25 шаговъ ничего не было видно.

Разъѣздъ ѣхалъ шагомъ, какъ вдругъ съ нашихъ аванпостовъ выскочили 2 уральскихъ казака съ крикомъ: «стой, что пропускъ». Офицеръ отвѣтилъ пропускъ и казаки пропустили ихъ.

Послѣ этого М. слѣзъ съ коня и спросилъ у казаковъ, «какъ же вы, молодцы, рискнули остановить насъ, вѣдь насъ 26, а васъ двое».

— Что-жь, на каждую пику по 10 человекъ, а съ остальными какъ-нибудь справимся,—не задумавшись спокойно отвѣтили казаки.

Эпизодъ этотъ является весьма характернымъ для иллюстраціи настроенія нашихъ войскъ.

Подъемъ необычайный; въ мелкихъ стычкахъ сплошь и рядомъ наши 10 казаковъ идутъ противъ 50—60 австрійцевъ и уничтожаютъ или захватываютъ въ плѣнъ.

Австрійцы являются и плохими стрѣлками, и это констатировано во многихъ сраженіяхъ.

Любопытныя вещи разсказалъ офицеру одинъ изъ забранныхъ въ плѣнъ австрійцевъ—русинъ. Солдатъ разсказалъ, что настроеніе австрійскихъ солдатъ крайне угнетенное.

Бывали случаи, когда солдаты отказывались стрѣлять и бросали ружья.

Прекрасное отношеніе, по словамъ М., встрѣчаютъ наши войска со стороны населенія, которое совершенно безвозмездно оказываетъ нашимъ войскамъ всяческія услуги.

Въ послѣдній разъ, разсказываетъ офицеръ, они остановились въ одной бѣдной деревушкѣ, расположенной недалеко отъ границы.

Несмотря на страшную бѣдноту, населеніе приносило войскамъ молоко, яйца, папирсы и проч.

Крестьяне издалека таскали солдатамъ и офицерамъ воду, и обижались, когда имъ предлагали оплатить услуги.

В Ъ О Г Н Ъ.

(Разсказъ раненаго офицера).

Раннимъ утромъ, почти ночью, едва начало свѣтлѣть небо на востокѣ, приказано было снимать палатки. Около походныхъ кухонь суетились солдаты съ чайниками и котелками...

Вчера вечеромъ, когда пили чай въ отведенномъ для офицеровъ сараѣ, ротный командиръ, добродушный, полный капитанъ, участникъ японской войны, пророческимъ тономъ замѣтилъ:

— Завтра, навѣрно, будетъ бой...

И короткое слово «бой» наполнило душу какимъ-то страннымъ трепетомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстнымъ желаніемъ поскорѣе разгадать его, увидѣть воочию, пережить и почувствовать....

По безконечно длинной, протянувшейся между полями, бѣлой дорогѣ, ползла въ неустанномъ движеніи живая стройная масса—полоса людей. Отрядъ пѣхоты, длинная вереница артиллерійскихъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, опять пѣхота, много пѣхоты, по бокамъ разъѣзды казаковъ и, наконецъ, длинная цѣпь двуколокъ, повозокъ и походныхъ кухонь... И вся эта масса людей, лошадей, желѣза, стали и пороха медленно, но неудержимо двигалась впередъ навстрѣчу незримому врагу.

Около полудня сдѣлали привалъ...

Солдаты расположились по обѣ стороны дороги. Истомленные переходомъ они снимали скатки, вещевые мѣшки и дремали тутъ же подъ палящими лучами лѣтняго солнца.

Острота мысли о близкомъ боѣ уже не внушала трепета, шли спокойные и беззаботные, такъ же, какъ совершали переходы на маневрахъ и, когда на синемъ фонѣ неба вдругъ вырисовался силуэтъ громадной бѣлой сигары Цешелина, встрѣтили его скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ волненіемъ.

Стрѣлять было бесполезно... Слишкомъ высоко парилъ этотъ воздушный корабль, медленно подвигавшійся вдоль нашего фронта...

Послѣ обѣда опять шли впередъ по той же пыльной и вьющейся среди полей дорогѣ и вдругъ случилось событіе, само по себѣ прошедшее почти незамѣченнымъ, но послужившее началомъ цѣлаго ряда—крупныхъ и значительныхъ.

Мы все ждали того момента, когда отъ похода, такъ сказать, мирнаго,—переступимъ грань и начнется то, что капи-

тань разумѣль подь короткимъ словомъ «бои»; ждали и совсѣмъ не замѣтили вдругъ развернувшихся въ небѣ высоко, высоко и въ сторонѣ бѣлыхъ клубковъ рвущейся шрапнели.

Это были первые предвѣстники начинающагося боя. Цепелинъ плавно и равнодушно уходилъ на югъ, а бѣлые клубки все чаще и чаще рвались въ небѣ, но совсѣмъ въ сторонѣ и для насъ были безопасны. Солдаты даже подшучивали надъ ними...

У поворота дороги на холмѣ высился деревянный простой,—сажени въ полторы,—крестъ... Дальше тянулся лѣсъ, слѣва раскинулось село, а за лѣсомъ, какъ потомъ оказалось, поле и деревня, въ которой засѣлъ непріятель.

Проходя мимо креста, такъ странно и неожиданно воздвигнутаго въ полѣ, мы почти не замѣчали его, но нѣсколькими часами позже, когда за лѣсомъ заревѣли пушки и пашня превратилась въ поле битвы, этотъ крестъ высился надъ всѣмъ, какъ бы благословляя умирающихъ и внушая бодрость уцѣлѣвшимъ.

За возвышенностью, въ деревнѣ, гдѣ расположился непріятель, было тихо... Затихло все и у насъ, какъ передъ грозой... Жаркн былъ день, млѣла природа, жужжали комары...

И вдругъ твердо, громко и рѣшительно грянули восемь выстрѣловъ нашей батареи, загудѣли и завыли въ воздухѣ удаляющіеся снаряды и методично, черезъ ровные промежутки времени, разорвались гдѣ-то далеко глухими ударами.

Сейчасъ же, словно въ отвѣтъ, раздались далекие орудійные выстрѣлы и завыла отвратительнымъ воемъ приближающаяся шрапнель. Нѣсколько томительныхъ секундъ, и взрывая и разбрасывая землю въ клубья черноватаго дыма и пламени, съ грохотомъ разорвались позади нашей батареи австрійскіе снаряды.

Опять въ отвѣтъ восемь вспышекъ, пламени и восемь выстрѣловъ. Опять восемь клубочковъ бѣлаго дыма и восемь отвѣтныхъ снарядовъ...

Страшный разговоръ при помощи стали и пороха!...

Въ эти минуты страху не было вовсе: мы съ восхищеніемъ наблюдали результаты мѣткой и спокойной стрѣльбы нашей артиллеріи и, когда изъ-за возвышенности потянулся дымокъ загорѣвшейся отъ нашихъ выстрѣловъ деревни и съ заглушеннымъ разстояніемъ громомъ взорвались разбитые снарядами австрійскіе зарядные ящики, вспыхнувшее въ батарее «ура» пробѣжало по цѣпи и зашумѣлъ лѣсъ отъ единодушнаго и могучаго крика восторга.

Батарея сдѣлала свое дѣло. Деревня загорѣлась, австрійскія орудія замолчали, и теперь затрещали ружейные вы-

стрѣлы засѣвшихъ въ окопахъ австрійцевъ по нашимъ приближающимся цѣпямъ.

Помню, какъ сейчасъ, въ центрѣ нашего расположения, посреди поляны, стояло одинокое грушевое дерево и, пока переговаривались наша и австрійская батареи, пока рвалась надъ нашими головами шрапнель, солдатики трясли ее поочередно и набивали карманы грушами; помню какъ безстрашно и спокойно, пользуясь временнымъ бездѣйствіемъ, бѣгали они во дворъ покинутой фермы за водой, какъ перекликались и острили по поводу каждаго непріятельскаго снаряда, давашаго перелетъ или разорвавшагося слишкомъ высоко. Врядъ-ли такимъ же спокойствіемъ и бодростью духа могутъ похвастать наши противники...

Скоро насъ двинули въ общую цѣпь.

Бой уже разгорался... Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, прерываемая гулкими ударами разрывающихся снарядовъ, разрасталась... Пули жужжали, ударили въ стволы деревьевъ, съ шумомъ сбивали листья и ломали вѣтки и иногда ударили въ людей безшумно и незамѣтно... Тогда кто-нибудь безъ стона, безъ жалобы, вдругъ дѣлалъ рѣзкое движеніе, оставляя на минуту винтовку... Прострѣленные руки и ноги не отвлекали вниманія нашихъ солдатиковъ; рука перетягивалась туго выше рапы, нога наскоро забинтовывалась при помощи индивидуальнаго пакета, и снова бралась въ руки винтовка; какъ ни въ чемъ ни бывало.

Медленно, но неуклонно, цѣпи подвигались впередъ... Я не могу сказать, чтобы, впервые попадая въ огонь противника, сражающійся не испытывалъ бы страха... Это было бы неправдой... Страхъ, который испытываютъ, вѣроятно, всѣ, острый, но короткій, проходитъ быстро и смѣняется какимъ-то громаднымъ необъяснимымъ подъемомъ, который уже не сломить никакая опасность!..

Лежать сзади цѣпи невозможно; какъ то стыдно за свое бездѣйствіе и хочется принять участіе въ бою непосредственно, и взявъ у раненаго солдата винтовку, обыкновенно офицеры сами ложатся въ цѣпь... Тутъ уже забываешь и опасность, и пули, и все окружающее остается только далекая мишень, то появляющаяся, то скрывающаяся...

Пришлось выдержать кавалерійскую атаку... Отъ опушки вдругъ отдѣлились конныя фигуры гусаръ въ яркихъ костюмахъ, красныхъ рейтузахъ и красныхъ шанкахъ, проскакали они шаговъ 500, но въ шагахъ 400 отъ нашей пѣхоты, открывшей дружный частый огонь, австрійскіе гусары повернули коней и поспѣшно, вразсыпную, ускакали обратно въ лѣсъ...

«Не выдержалъ... ускакалъ... гдѣ ему!»!—перекликались въ окопахъ солдатики, заряжая винтовки...

Такъ же неудачно пытались гусары еще два раза атаковать насъ и такъ же послѣдно улетѣвали въ лѣсъ, а между тѣмъ на правомъ флангѣ все еще ревѣли пушки и дымъ надъ селомъ уже валилъ черный, густой и застилалъ садившееся солнце...

«Баню затопили... теперь мыться пойдѣмъ»!.. острили солдаты, не терявши жизнерадостнаго настроенія... И дѣйствительно, «затопили» сильно... Вскорѣ загорѣлось второе село, за нимъ сосѣднее, и громадныя костры озаряли всю громадную площадь поля сраженія.

Сближеніе шло какъ-то незамѣтно, и хотя на самомъ дѣлѣ двигались мы медленно, но время летѣло быстро и, когда сама собою назрѣла необходимость штыкового удара, когда нервы достигли высшаго напряженія, я не помню мгновенія, какъ всѣ мы встали во весь ростъ и бросились впередъ, увлекаемые стихійной, невѣдомой силой...

Въ порывѣ азарта я не замѣчалъ бѣгущихъ рядомъ со мною людей, не обращалъ вниманія на группы, о которые спотыкался и черезъ которые перескакивалъ, и сознание мое лишь ярко прорѣзала одна мысль: «пулеметъ»!, когда вдали затрещало, то съ перерывами, то долгой неумолкающей дробью, что-то незримое, но несущее смерть!..

Люди падали!.. Падало ихъ много, скошенные огнемъ пулеметовъ, но человѣческая лавина, неудержимая и стремительная, уже не могла быть удержанной, она вкатилась, сокрушая все и вся, въ окопы австрицевъ, заваленныя грудами тѣлъ въ сине-сѣрыхъ мундирахъ, разлилась по улицамъ пылающей деревни и не было препятствій этимъ сѣрымъ, однотонно одѣтымъ солдатамъ, достигавшихъ врага всюду своими ужасными штыками.

Изъ открытыхъ оконъ домовъ сыпался градъ пуль спрятанныхъ въ комнатахъ пулеметовъ, надъ головами выла и рвалась шрапнель, по разоренной улицѣ въ бѣшеномъ вихрѣ неслись австрийцы, настигаемые нашими солдатами.

Когда, бросивъ пашку и вынувъ револьверъ, я выстрѣлилъ прямо въ бѣжавшаго мнѣ наперерѣзъ австрійскаго унтеръ-офицера, австріецъ, схватившись за лицо, упалъ какъ-то нелѣпо на-бокъ и началъ странно дергать ногой. Крики и ругань солдатъ, вытаскивавшихъ изъ избы отбитый у враговъ пулеметъ, отвлекли меня отъ созерцанія умирающаго...

Сумерки уже спустились, но было свѣтло!.. Четыре деревни, четыре пылающіе факела заливали небо золотымъ пурпуромъ.

Сзади изъ лѣса послѣдовала наша пѣхота и выѣзжала на новую позицію, грохоча колесами. артиллерія... Непріятель отступалъ, а его батареи прикрывали бѣгство, засыпая разоренную деревню дождемъ шрапнели...

Мы миновали мостъ черезъ высохшую рѣчку и начали приводить въ порядокъ роту, когда подброшенный какой-то силой въ бокъ и вверхъ, я вдругъ пересталъ видѣть избы и дорогу; въ полѣ зрѣнія еще нѣсколько секундъ оставалось темно-багровое небо съ сѣдыми полосами иолзущаго вверхъ дыма... Послѣ тяжелый туманъ сталъ давить голову, казалось уходило все, и силы, и сама жизнь... Не вспомнилось ни прошлой жизни, ни милыхъ лицъ, а почему-то въ память пришелъ одинокий, высокостоящій надъ долиной, простой деревянный крестъ!..

Пробужденіе въ госпиталѣ было полно тихой молитвенной радости. Пережитое кажется теперь сномъ, но не сномъ, внушающимъ ужасъ; почти второй разъ въ «бой», я увѣренъ, уже легче, потому, что это короткое страшное для непосвященнаго слово уже разгадано и утратило свою пугающую таинственность.

РАЗСКАЗЫ РАНЕННЫХЪ.

...Я раненъ почти на самой прусской границѣ, рассказываетъ молодой, съ маленькой бородкой, казакъ. Намъ было двѣ сотни. Смотримъ—непріятельская пѣхота. Мы гикнули, и на нихъ. Летимъ ураганомъ, а пули вокругъ хуже пчелинаго роя летаютъ. Но это намъ не смущаетъ: многіе изъ насъ свалились съ коней, но мы все еще летимъ на врага.

...Доскакать не удалось: оказалось, что за валами залегло болѣе полка пѣхоты, а намъ было всего только двѣ сотни. Артиллерии и пѣхоты съ нами не было.

Видимъ, что мы сильно разстаяли. Дѣлать нечего—заскакали въ лѣсокъ.

— Неудалось до врага добраться,—спокойно, съ улыбкой закончилъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ героевъ. небольшая кучка которыхъ безстрашно неслась въ атаку почти на цѣлую бригаду германской пѣхоты.

Я раненъ около германской границы.—рассказываетъ молодой уланъ.

...Съ непріятельской конницей на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда я былъ раненъ, намъ не удалось столкнуться: конница врага уклонялась отъ встрѣчи съ нами, и мы бились только съ пѣхотой, которая держится упорно.

Приблизительно то же самое рассказывалъ и другой кавалеристъ.

...Насъ было не болѣе трехъ полковъ,—рассказываетъ взятый изъ запаса пѣхотинецъ.—Мы недалеко отъ австрійской границы, на русской территории пытались выбить изъ окоповъ втрое сильнѣйшаго непріятели. Бились съ утра до вечера. Рвались впередъ, какъ львы. Къ вечеру стало замѣтно, что непріятель какъ будто отходитъ. Я выбылъ изъ строя, и не знаю, что дальше было.

ВЪ ПРУССІИ.

Однимъ изъ видныхъ нетербургскихъ чиновниковъ получено письмо отъ сына-офицера, находящагося въ дѣйствующей арміи. Офицеръ этотъ подробно описываетъ первые бои въ Восточной Пруссіи. По его словамъ, мѣстности, которыя пришлось брать съ боя нашимъ войскамъ, прекрасно укрѣплены непріятеlemъ. Дорога была преграждена колючими проволоками, изгородями и глубокими волчьими ямами, представляющими собой углубленія въ нѣсколько сажень глубиной. Части русскихъ войскъ геройски шли на эти препятствія, перерубая проволоку подъ непріятельскими ядрами и пулями. Даже волчьи ямы были не въ состояніи задержать стремительный натискъ нашихъ войскъ.

Плѣнные нѣмцы, по словамъ, офицера, выражали искреннее удивленіе героизму русскихъ солдатъ. Германскій генеральный штабъ увѣрялъ своихъ офицеровъ, что позиции въ Восточной Пруссіи неприступны и русскимъ ихъ не удастся занять. Успѣхи русскаго оружія произвели крайне благотворное впечатлѣніе на наши войска, которыя послѣ каждой новой занятой непріятельской позиции съ еще большей горячностью рвутся въ бой. Подвозъ пищевыхъ продуктовъ организованъ прекрасно, и армія ни въ чемъ не нуждается. Все письмо офицера проникнуто бодростью и увѣренностью въ успѣхѣхъ.

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Самыя тяжелыя минуты приходится переживать раненымъ на полѣ битвы послѣ сраженія.

Одинъ офицеръ былъ раненъ пятью пулями сразу и, упавъ на полѣ, лишился сознанія.

— Очнулся я,—разсказываетъ онъ,—отъ нестерпимой боли во всей лѣвой сторонѣ тѣла. Лѣвая рука моя совершенно онѣмѣла. Лѣвый бокъ былъ прострѣленъ тремя пулями... Одна пуля пробуравила ногу выше колѣна. Очнулся я, вижу—кругомъ ни живой души... Чувствую, какъ струится кровь теплыми струйками по всему тѣлу... Лѣвая сторона тѣла совершенно не дѣйствуетъ... Пожалуй, умрешь, а умирать такъ не хочется... Постараюсь, думаю, какъ-нибудь поползти, напрягъ всѣ силы, перевернулся на правый бокъ и поползъ.

И вотъ, отползши нѣсколько шаговъ, со страшными усиліями, я остановился передохнуть и почему-то оглянулся назадъ.

И вижу слѣдующее. Съ поля подымается на локтѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, фигура. Всматриваюсь—австриецъ, тоже раненый. Беретъ винтовку, взводитъ курокъ и цѣлится прямо въ меня. Я поднялъ руку и кричу ему по-нѣмецки: „что ты дѣлаешь? я раненый“. Но онъ продолжаетъ цѣлиться... Ну, думаю, конецъ. Перекрестился и приникъ къ землѣ: будь что будетъ. Выстрѣлилъ онъ, страшная боль обожгла мнѣ всю правую сторону. Какъ потомъ оказалось, пуля попала въ нижнюю часть спины около хребта и вышла около праваго соска... Я опять потерялъ сознаніе.

Сколько времени пролежалъ, не знаю. Очнулся снова, все на томъ же мѣстѣ.

Передо мной стоялъ какой-то австрійскій солдатъ и внимательно разглядывалъ. Потомъ низко наклонился и протянулъ руку.

Онъ взялъ меня за руку, отвелъ ее, разстегнулъ мундиръ, вытащилъ изъ бокового кармана бумажникъ, записную книжку, фотографическую карточку и все это попряталъ по своимъ карманамъ.

Затѣмъ австриецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, собираясь уходить, но, повидимому, раздумалъ и, вернувшись, сталъ поднимать меня съ земли.

Я сдѣлалъ усиліе и спросилъ по-нѣмецки:

— Что вы хотите дѣлать?

Австриецъ съ надменной важностью отвѣтилъ:

— Беру въ плѣнъ.

И, взваливъ на плечи, понесъ въ виднѣвшуюся недалеко деревушку.

ПОДЪ УЖБАЛЕНОМЪ.

Одинъ изъ прибывшихъ въ Москву раненыхъ офицеровъ .
рассказалъ подробности боя 7-го августа подъ Ужбаленомъ.

Артиллерійская стрѣльба нѣмцевъ была превосходна. Ни одна складка мѣстности, ни одно прикрытие не было забыто. Огонь былъ настолько силенъ, что солдаты буквально почернѣли отъ порохового дыма, но держались твердо, не уступая ни одной пяди неприятелю.

Какъ потомъ выяснилось, прекрасная стрѣльба нѣмцевъ обуславливалась точнымъ знаніемъ конфигураціи мѣстности, топографическія карты которой были найдены у убитыхъ нѣмецкихъ офицеровъ. Карты датированы 1907 годомъ, когда въ этой мѣстности нѣмцы производили маневры.

Вскорѣ послѣ того, какъ нѣмцы открыли стрѣльбу бризантными снарядами, выступили на позицію и наша дивизионная полевая артиллерія и пулеметы.

Нашъ прапелельный огонь произвелъ среди наступающихъ панику.

Пулеметныя роты съ 300 шаговъ также развили убійственный огонь. Сметались цѣлыя цѣпи противника. Въ результатѣ наступленіе было задержано, а обхватъ нашего праваго фланга противнику не удался.

Офицеры идутъ со своими командами и, повидимому, боятся выпустить инициативу командованія изъ своихъ рукъ. Насколько силенъ былъ уронъ въ нѣмецкихъ частяхъ въ этомъ бою, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что взятые въ плѣнъ нѣмецкіе пѣхотинцы рассказывали, что отъ ихъ ротъ осталось не болѣе 3—4 человекъ.

Между прочимъ, взято въ плѣнъ много поляковъ. Нѣкоторые изъ нихъ показываютъ совершенно чистыя винтовки и говорятъ, что «Ченстоховская Божія Матерь спасла ихъ отъ неминуемой смерти за то, что они не стрѣляли въ своихъ братьевъ-славянъ». Обыкновенно, польскіе отряды нѣмцы выставляютъ въ авангардъ и при первой ихъ попыткѣ къ неовиновенно разстрѣливаютъ.

Распускаются нѣмцами о русскихъ всевозможныя небывлицы. Напримѣръ, говорятъ, что нѣмецкіе селенія поджигаются русскими, что съ нѣмецкими плѣнными и мирными жителями обращаются жестоко. На самомъ дѣлѣ все обстоитъ совершенно иначе.

Обыкновенно, деревушки и зданія, попадающія на пути русскихъ войскъ, поджигаются самими же нѣмцами и по большей части ночью, съ цѣлью обозначить наши фронтальныя части, въ то же время нѣмецкіе прожекторы обшариваютъ

каждую впадину, каждое прикрытие на наших флангахъ.

Насколько неожиданнымъ и стремительнымъ былъ нашъ ударъ на Восточную Пруссию, показываютъ хотя бы такіе мелкіе факты. Въ покинутыхъ нѣмцами домахъ, на столахъ находили кофе, свѣже испеченный хлѣбъ, молоко, провизію.

Наши солдаты имѣютъ тамъ хороши столы. Подчасъ смѣются:

— Что, ребята, нынче заваривать будемъ, кофе или какао?

Казаковъ нѣмцы прямо-таки не выносятъ и называютъ «длинноволосой кавалеріей».

БОЙ У СТАЛУПЕНЕНА И КАТТЕНАУ.

Послѣ взятія Эйдкунена, совершенно разрушеннаго огнемъ нашей артиллеріи, русская армія начала наступленіе на фронтъ Сталупененъ—Каттенау.

На всемъ этомъ фронтѣ 4-го августа разыгрался бой, въ которомъ противъ насъ приняли участие три германскихъ корпуса, численностью до 120 тыс. штыковъ и сабель, и до 200 орудій.

Бой начался около 9 час. утра.

Непріятель не использовалъ временныя полевыя укрѣпленія впереди Сталупенена и, подъ напоромъ частей нашей арміи, отошелъ за Сталупененъ, тотчасъ же занятый нами.

Дальнѣйшее движеніе встрѣтило сопротивленіе, и около 11 часовъ утра по всему фронту начался бой нашей арміи съ противникомъ.

Подъ непріятельскимъ огнемъ, охватывая фланги противника, грудью шли на врага русскія войска, и подъ ихъ напоромъ одну за другой очищали германцы свои позиціи, оставляя на нихъ тысячи убитыхъ и раненыхъ. Къ 6 часамъ вечера непріятель былъ окончательно выбитъ изъ всѣхъ своихъ позицій и безпорядочно отступалъ къ Гумбинену, преслѣдуемый по пятамъ.

Къ 9 часамъ вечера канонада стихла, а нѣсколько мѣднѣе прекратилась и трескотня пулеметовъ и ружейнаго огня.

Армія расположилась на отдыхъ на полѣ сраженія.

Одновременно съ боя былъ взятъ Каттенау и, такимъ образомъ, нѣмцы отступили по всему фронту, оставивъ въ нашихъ

рукахъ 15 орудій и 12 зарядныхъ ящиковъ. Плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненыхъ, до 500 человекъ.

Первоначальная помощь нашимъ раненымъ подавалась на перевязочныхъ пунктахъ на полѣ сраженія, а затѣмъ въ полевыхъ подвижныхъ госпиталяхъ, врачи которыхъ, не покладая рукъ, работали совместно съ сестрами милосердія трое сутокъ подрядъ.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ боя можно указать, что неприятель совершенно не выдерживаетъ штыкового удара и, не принимая его, очищаетъ позиціи.

Весь расчетъ нѣмцевъ основанъ на огнѣ и на обходныхъ движеніяхъ.

Сталуиененъ, — чистенькій нѣмецкій городокъ, совершенно нетронуты, но покинутый жителями, изъ коней въ городѣ осталось лишь 2—3 десятка.

Вся обстановка указываетъ на послѣднюю ступень бѣгства населенія.

ПОДЪ ГОРОДКОМЪ.

(Изъ частнаго письма).

«Въ Ермолинцахъ мы нашли уже очень много раненыхъ и плѣнныхъ австрійцевъ; большинство изъ нихъ — кавалеристы. Форма у нихъ оригинальная и красивая. Шлемы у нихъ со стальнымъ доннышкомъ, что защищаетъ голову. Одѣты они въ мѣховыя полушубки съ высокими воротниками. На плечахъ тоже стальные пластинки.

Австрійцы сражаются очень неохотно и легко сдаются. Казаки отличаются, и часто въ количествѣ 20—30 человекъ нападаютъ на отряды 100—150 австрійцевъ и разбиваютъ ихъ. Австрійцы страшно боятся казаковъ и особенно вооруженныхъ пиками.

У плѣнныхъ и раненыхъ мы нашли массу бураковъ; какъ они рассказываютъ, имъ приходится часто голодать, и послѣдніе дни они питаются сырыми бураками. Многие изъ нихъ говорятъ по-русски и передаютъ намъ, что они рады, что ихъ мученія окончены. Даже раненые довольны. Мы кормимъ ихъ своимъ хлѣбомъ и они благодарятъ насъ.

Когда мы пришли въ Городокъ, то нашли здѣсь плѣнныхъ и раненыхъ. На площади свалены кучи ружей, сѣдель, амуниции—все это трофеи послѣдняго сраженія. Осматривали мѣсто боя и братскія могилы; въ одной изъ нихъ похоронено 600 австрийцевъ. У насъ удивительно мало пострадавшихъ.

При насъ всѣхъ раненыхъ и плѣнныхъ отправили въ центральную Россію. Однако, крестьяне ежедневно приводятъ къ намъ австрийцевъ въ полномъ вооруженіи. Это остатки разбитаго отряда, разбѣжавшагося по всѣмъ направленіямъ. Вообще, побѣда надъ Городкомъ и разгромъ австрийскаго отряда произвели на войско отличное впечатлѣніе, и духъ войска великолѣпный.»

У ВЛАДИМИРА-ВОЛЫНСКА.

Прибывшій въ Петроградъ съ театра военныхъ дѣйствій артистъ Императорскихъ театровъ Г. Ф. Стравинскій, состоящій теперь на службѣ въ Красномъ Крестѣ, передаетъ свои впечатлѣнія о тѣхъ картинахъ военной жизни, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ ему пришлось быть. Война застала Г. Стравинскаго въ имѣніи его сестры, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Владимира-Волынска.

— Вдоль близкой границы,—рассказываетъ Г. Стравинскій,—ежедневно происходили стычки кавалерійскихъ отрядовъ и войскъ. Къ намъ, какъ къ одному изъ ближайшихъ пунктовъ, стали поступать первые раненые, свои, русскіе, и неприятельскіе, съ одинаковою бережностью перевозимые съ мѣста боя.

Однажды я былъ командированъ во Владимиръ-Волынскъ сопровождать оттуда къ намъ небольшую партію раненыхъ. Я спокойно ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, и только, когда поѣздъ уже подходилъ къ Владимиру-Волынску и стали слышны ружейныя и орудійныя выстрѣлы, у меня и у моихъ спутниковъ начало возникать безпокойство. Но мы все же еще не думали, что неприятель былъ такъ близко. Оказалось, что значительный отрядъ конницы быстро перешелъ границу и, тѣсня наши передовые разѣзды, сталъ приближаться къ городу съ явнымъ намѣреніемъ захватить его внезапнымъ нападеніемъ. Сколько было неприятельскихъ войскъ, я, конечно, не знаю, но ихъ, несомнѣнно, было много. У нихъ была артиллерія, пѣхота и много кавалеріи. Съ того мѣста въ городѣ, на которомъ я находился,

хорошо было видно приближеніе большихъ массъ непріятельской кавалеріи. Черезъ нее непріятельская артиллерія обстрѣливала городъ. Однако, австрійцы стрѣляли не въ самый городъ, а въ находившіеся передъ нимъ окопы, занятые нашими войсками.

Австрійцы быстро приближались, и какъ-то вдругъ наступилъ жуткій моментъ. Стройные ряды венгерской конницы, полукольцомъ охвативше все широкое пространство передъ городомъ, лихо понеслись впередъ съ видимой цѣлью соединиться на главной дорогѣ при въѣздѣ въ городъ. Казалось, что черезъ нѣсколько минутъ эта лавина ворвется въ городъ. Но тутъ раздались сухіе, жесткіе звуки, странный трескъ, даже мало пожатій на выстрѣлы. Это начали стрѣлять изъ нашихъ окоповъ. Венгерцы были уже близко, и произошло что-то ужасное, незабываемое. Я не могу этого описать. Какъ подкошенная трава, валялись всадники, на полномъ ходу надали лошади, сѣдоки, падая, переворачивались нѣсколько разъ; сразу раздался дикій вопль гибнущихъ людей и глухое ржаніе—стонъ, на смерть сраженныхъ лошадей. Въ нѣсколько минутъ, врядъли прошло болѣе трехъ минутъ, отъ лихо мчавшихся въ атаку кавалеристовъ осталась только груда тѣлъ и единичные всадники, стремительно, въ безумномъ ужасѣ, бросившіеся назадъ къ своимъ. Такъ погибло сразу нѣсколько сотъ человѣкъ. Но за одной атакою слѣдовала другая. Черезъ короткое время новый рядъ венгерцевъ съ прежней лихостью неся уже по направлению къ другой части нашихъ окоповъ, надѣясь прорвать линію этихъ, плохо видимыхъ и съ виду такихъ незначительныхъ окоповъ. И опять-таки наши войска съ поразительнымъ хладнокровіемъ подпускали ихъ на сравнительно очень близкое разстояніе, встрѣтили ихъ пулеметнымъ огнемъ, въ нѣсколько минутъ уничтожившимъ почти всѣхъ нападающихъ. Такихъ бѣшеныхъ конныхъ атакъ было сдѣлано нѣсколько, пока австрійцы не убѣдились въ невозможности прорвать линію окоповъ натискомъ кавалеріи.

Потомъ, когда непріятель отступилъ и мы собирали раненыхъ, мнѣ пришлось вблизи видѣть эту массу убитыхъ. Дѣйствіе пулеметовъ было таково, что у нѣкоторыхъ лошадей задъ туловища былъ какъ бы отрѣзанъ, точно лошадь перерубили топоромъ.

Были и другія попытки овладѣть городомъ, но кавалерійскихъ атакъ они болѣе не возобновляли. Они усиливали артиллерійскій огонь, пробовали наступать пѣхотою, но каждая такая попытка оканчивалась неудачей. Наши немногочисленные войска съ удивительной стойкостью выдерживали огонь и отражали всѣ нападенія до прибытія спѣшно вызванныхъ под-

крѣпленій. Когда эти подкрѣпленія подошли, когда въ сторонѣ захохотала наша артиллерія, а съ другой стороны показались казаки,—неприятель сталъ отступать сначала медленно, отстрѣливаясь, а потомъ все скорѣе. Когда начало темпѣть, австрійскихъ войскъ уже не было видно и только издали еще изрѣдка доносились звуки все удаляющейся ружейной перестрѣлки.

Я оказался совершенно случайнымъ свидѣтелемъ этого боя. Я пріѣхалъ въ городъ за ранеными. Теперь ихъ было много, хотя въ общемъ наши потери оказались ничтожными. Забравъ сколько можно было раненыхъ, я съ транспортомъ вернулся въ нашъ госпиталь. У насъ оказалось не мало раненыхъ австрійцевъ, и я имѣлъ случай ближе познакомиться съ ними.

Наши русскіе раненые поражали меня своимъ терпѣніемъ, выносливостью и мужественнымъ перенесеніемъ жестокихъ страданій. Многихъ приходилось уговаривать лежать. Имъ даже серьезныя, болѣзненные пораненія казались пустяками. И за все, за самую мелкую услугу они благодарили, часто такъ трогательно.

Венгерцы—раненые упорно все время молчали. Объясняться съ ними было очень трудно, языкъ ихъ никому изъ нашихъ не былъ знакомъ, по-нѣмецки и по-польски только нѣкоторые изъ нихъ говорили и то очень плохо. Да они, видимо, избѣгали общенія.

Австрійцы оказались болѣе разговорчивыми. Они выражали свое удивленіе хорошему съ ними обращенію. Всѣ они были глубоко убѣждены въ томъ, что русскіе должны быть непременно жестоки. Имъ опредѣленно было сказано начальствомъ, что русскіе добиваютъ всѣхъ раненыхъ, мучаютъ и убиваютъ илѣнныхъ.

Между прочимъ, на этой почвѣ разыгрался одинъ эпизодъ, который можно было бы назвать комичнымъ, если не обстановка военного времени и близость раненыхъ, не располагающія къ смѣху. Къ намъ привели илѣнныхъ австрійцевъ. Ихъ было захвачено много, но у насъ очутилась партія всего изъ восьми солдатъ и одного офицера. Объ этомъ узнали стоящія въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нашей усадьбы казаки и захотѣли посмотрѣть на илѣнныхъ. Прислали просить отпустить къ нимъ въ отрядъ: «посмотрѣть хочется на нѣмцевъ». Офицеръ приказалъ солдатамъ вывести илѣнныхъ и проводить ихъ къ казакамъ. Когда ихъ вывели изъ занимаемаго ими помѣщенія, нашъ офицеръ по-нѣмецки сказалъ австрійскому офицеру, что ихъ отведутъ къ казакамъ. Это было при мнѣ, и я видѣлъ, какъ несчастный австріецъ сразу мертвенно поблѣднѣлъ, и какой дикій ужасъ былъ на лицахъ всѣхъ девяти илѣнниковъ. Они были увѣрены, что ихъ отдадутъ на «съѣде-

ше казакамъ». Я не могъ не послѣдовать за ними. Они шли, какъ приговоренные къ мучительной смерти, не обращая никакого вниманія на нѣсколько успокоительныхъ фразъ, сказанныхъ имъ нашимъ офицеромъ. А страшные казаки, которыхъ они приняли за людоедовъ, съ любопытствомъ обступили ихъ и разсматривали, какъ на какой-нибудь ярмаркѣ разсматриваютъ заморскую диковинку. Осматривали платье, щупали добротность матерій, трогали пуговицы, добродушно угощали шапирсами и хлопали по плечу. Я сказалъ двумъ казакамъ, стоявшимъ около меня.

— А вѣдь они до смерти боялись итти къ вамъ. Они думали, что вы ихъ станете ѣсть.

Казаки не разсмѣялись, даже не улыбнулись. Это дикое предположеніе не показалось имъ смѣшнымъ. Одинъ изъ нихъ нахмурился и помолчавъ, сказалъ, какъ бы про себя, недовольнымъ голосомъ:

— Пожалуй что! Станемъ мы нѣмецкое г.... ѣсть. Очень надо. Онъ энергично плюнулъ и отошелъ и въ сторону.

Постепенно австріицы успокоились и выражали потомъ свое удивленіе и свою радость.

ПОДЪ КѢЛЬЦАМИ.

Тотчасъ по объявленіи Австріей войны Россіи сосредоточенныя въ Краковѣ австрійскія части перешли русскую границу, направляясь въ Кѣльцы. По дорогѣ онѣ заняли города Сендзишевъ, Вольбромъ, Мѣховъ, Бойдиславъ, Андреевъ и Бялогу.

Еще до занятія перечисленныхъ городовъ австрійскими передовыми отрядами, по всей Кѣлецкой губернии были разбросаны австрійскими аэропланами воззванія къ полякамъ на польскомъ языкѣ. Въ этихъ прокламаціяхъ поляки призывались оказать содѣйствіе Австріи, взамѣнъ чего имъ сулили золотыя горы.

За передовыми отрядами непріятели въ упомянутые города вступили болѣе или менѣе значительныя австрійскія военныя части, занявшія всѣ правительственныя учрежденія.

Въ Кѣльцы непріятельскій передовой отрядъ вступилъ 29 іюля. Вскорѣ въ городъ вступилъ значительный австрійскій военный отрядъ и занялъ всѣ правительственныя зданія, выки-

цувъ австрійскіе флаги. Начальникъ австрійскаго гарнизона занялъ для своей квартиры здание губернскаго правленія и немедленно вступилъ въ управленіе городомъ.

Вечеромъ того же дня въ Кѣльцы прибыло на бронированныхъ автомобиляхъ много австрійскихъ офицеровъ, отрядъ кавалеріи, а также нѣсколько сотъ австрійскихъ «соколовъ»-добровольцевъ, вооруженныхъ револьверами и маузерами.

Вскорѣ изъ Невахлева, гдѣ расположенъ русскій отрядъ, прибылъ автомобиль съ русскими офицерами, открывшими стрѣльбу по австрійской кавалеріи. Обстрѣливая австрійскій бронированный автомобиль, русскіе офицеры застрѣлили четырехъ австрійскихъ офицеровъ.

Эта неожиданная стрѣльба, начатая горстью русскихъ героев-смѣльчаковъ, произвела среди австрійцевъ ужасный переполохъ. Австрійцы открыли по нашимъ офицерамъ сильный огонь. Австрійскіе солдаты, взобравшись на крыши высокихъ домовъ, безпрестанно стрѣляли по направлению къ Невахлеву. Нашему автомобилю австрійцы вреда не нанесли.

Начавшаяся стрѣльба вызвала въ городѣ панику, и жители спрятались въ погребахъ, гдѣ они провели ужасную ночь.

На разсвѣтѣ раздался сильный взрывъ. Оказалось, что австрійцы взорвали большой желѣзнодорожный мостъ.

Утромъ 31 іюля послѣ артиллерійскаго обстрѣла отрядъ казаковъ двинулся къ Кѣльцамъ.

Приближеніе казаковъ привело австрійцевъ въ ужасъ, и въ паническомъ страхѣ они начали отступать изъ Кѣльць по направлению къ Бзлогѣ. Казаки ихъ преслѣдовали и перебили по дорогѣ много непріятельскихъ солдатъ и добровольцевъ, заставивъ австрійцевъ покинуть и Бялогу. Казаки продолжали преслѣдовать непріятеля, заставляя его очистить и Хенчипъ и отступить къ Андрееву, гдѣ расположились значительныя силы австрійцевъ.

ВЪ ЧЕНСТОХОВѢ.

Какъ уже сообщалось нѣмецкій комендантъ Ченстохова Цоллернъ подвергъ обстрѣлу нѣкоторыя части города.

Въ ночь на 26-е іюля, съ 9-ти до 12-ти часовъ въ предмѣстьи Ченстоховкѣ почти непрерывно раздавалась пере-

стрѣлка. вмѣстѣ со свистомъ пуль, воздухъ оглашали вопли и крики обезумѣвшихъ женщинъ и дѣтей.

Утромъ горожане видѣли толпу женщинъ и дѣтей, которыхъ германскіе солдаты гнали изъ Ченстоховки по улицамъ св. Варвары и Семикаменной. Изгоняемые направились было въ паркъ Святой Горы но тутъ имъ преградилъ путь неприятельскій патруль.

Нѣсколько придя въ себя, жители Ченстоховки рассказывали, что вторая ночная перестрѣлка происходила между нѣмецкими солдатами. Началась стрѣльба послѣ того, какъ нѣмецкіе солдаты въ значительномъ числѣ вышли изъ ресторана.

Всѣ они были пьяны.

Обстоятельство это подтверждается мѣстной газетой, выходящей подъ нѣмецкой цензурой. Въ газетѣ напечатано, между прочимъ, обязательное постановленіе, изданное полковникомъ Цоллерномъ и датированное 9-мъ августа новаго стиля, т. е., днемъ, слѣдующимъ послѣ ночной свалки въ Ченстоховкѣ.

Полковникъ Цоллернъ, подъ угрозой строжайшаго наказанія запрещаетъ жителямъ Ченстохова продавать солдатамъ спиртные напитки.

Несмотря на все это за междуусобную свалку германскихъ солдатъ, жестоко поплавились жители Ченстоховки, изъ числа которыхъ было разстрѣляно 18 мужчинъ.

Въ числѣ жертвъ безсмысленной расправы оказался 80-лѣтній старикъ Менжницкій. Убитые были погребены въ одной ямѣ съ трупами нѣмецкихъ лошадей, павшихъ во время ночной перестрѣлки.

Могила эта, выкопанная арестованными жителями Ченстоховки, находится въ паркѣ гигиеническаго музея.

Большая группа арестованныхъ ночью мужчинъ была поставлена подъ разстрѣль.

При этомъ нѣмцы томительно затягивали приготовления казни. Медленно разставляли осужденныхъ возлѣ стѣны. Наконецъ, приказали имъ обнажить головы.

Солдаты, тѣмъ временемъ, не торопясь выстраивались противъ осужденныхъ и, наконецъ, направили на нихъ дула ружей.

Послѣ небольшой паузы, разстрѣль, по приказанію коменданта былъ отмененъ.

Послѣ этого, помилованныхъ держали подъ арестомъ безъ пищи въ теченіе цѣлаго дня.

Всѣхъ приходившихъ провѣдать арестованныхъ нѣмцы задерживали.

Къ вечеру число арестованныхъ женщинъ и мужчинъ превысило 1,500 человекъ.

Всѣхъ ихъ объявили военнопленными и подь конвоемъ отправили въ Германію.

КАЗАКИ.

Корреспондентъ «Нов. Вр.» приводитъ разсказъ раненаго венгерскаго офицера-гусара о лихихъ атакахъ казаковъ:

— Гдѣ и какъ вы попали въ плѣнъ?

— Подъ Луцкомъ—казакъ меня забралъ.

— Одинъ казакъ?

— Одинъ.

— А васъ было сколько?

— Насъ было много, но онъ опомниться не далъ,—выхватилъ изъ строя...

— О, вы штатскій человекъ,—продолжалъ венгерець.—не можете представить себѣ, что такое вашъ казакъ, когда онъ летитъ на насъ. Ихъ было много, и мы готовы были сражаться, но они налетѣли на насъ въ одинъ мигъ, и я не успѣлъ отклониться, какъ одинъ казакъ нанесъ мнѣ сразу три удара: пикой, саблей и кулакомъ. Какъ онъ могъ такъ сразу—не знаю. Я даже упасть не успѣлъ,—онъ схватилъ меня за шею, въ одинъ мигъ перетащилъ на свою лошадь и увезъ. Я очнулся не скоро и увидѣлъ много казаковъ и много нашихъ плѣнныхъ... О, ваши казаки,—закончилъ венгерець,—съ ними трудно: они не хотятъ сражаться, какъ всѣ, а прямо налетаютъ, палятъ и берутъ...

КАЗАЦКАЯ ПИКА.

По словамъ «Б. В.» одинъ офицеръ, участвовавшій въ цѣломъ рядѣ дѣлъ на австрійской границѣ, раненый и доставленный въ Кіевъ, передаетъ такой случай.

Однажды онъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ и разъѣздомъ человекъ въ 25, ночью въ нолѣ набрелъ на казачи аванпостъ, состоявшій, какъ потомъ выяснилось, изъ двухъ человекъ.

Казакъ окликнулъ подѣзжающихъ обычнымъ:

— Стой! Что пропускъ?

Офицеръ отвѣтилъ и казаки пропустили разъѣздъ. Послѣ этого офицеръ спросилъ казака:

— Какъ же вы, молодцы, рискнули остановить разъѣздъ въ двадцать пять человѣкъ, когда васъ только два казака?

— Что-жь, на каждую пику по десять человѣкъ,—отвѣчалъ казакъ, а для остальныхъ шапки.

КУЗЬМА КРЮЧКОВЪ.

Раненые однополчане Кузьмы Крючкова рассказываютъ о подвигѣ своего же товарища.

По словамъ этихъ донцовъ, казачій полкъ, въ которомъ служилъ Кузьма Крючковъ, былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдки.

Отрядъ, въ которомъ находился Кузьма Крючковъ, благополучно перешелъ границу. Непрiателя нигдѣ не видно. Мало-по-малу отрядъ углубился въ Пруссию.

Въ небольшой роцѣ казаки заночевали.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ показался разъѣздъ прусской кавалерiи.

Сначала казаки насчитывали всего 10 нѣмецкихъ всадниковъ.

Старшiй казакъ съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесенiе начальству.

Черезъ нѣкоторое время опредѣлилось, что къ прусскому разъѣзду присоединился другой. Теперь нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ.

Когда пруссаки приблизились на разстоянiе ружейнаго выстрѣла, казаки спѣшились и открыли огонь.

Офицеръ, начальникъ нѣмецкаго отряда, что то скомандовалъ. Прусскiе кавалеристы начали быстро удаляться.

Тогда казаки вскочили на коней и съ гиканьемъ помчались на непрiателя.

Среди пруссаковъ произошло замѣшательство.

Послышались крики:

— Кашланы, кашланы!

Такъ пруссаки, какъ оказалось, называютъ русскихъ казаковъ.

Кузьма Крючковъ на своей рѣзвой лошади обогналъ товарищей и первый врѣзался въ неприятельскій отрядъ.

Подоспѣвшие остальные казаки на мгноienie увидѣли Крючкова, окруженнаго пруссаками и размахивающаго своей шашкой направо и налево.

Затѣмъ, люди и лошади, все смѣшалось въ общей свалкѣ.

Случайно одинъ изъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой свалкѣ къ Крючкову протискивается прусскій офицеръ съ обнаженной шашкой. Казакъ выстрѣлилъ. Прусскій офицеръ упалъ.

Крючковъ тѣмъ временемъ тоже выхватилъ винтовку и хотѣлъ выстрѣлить въ прусскаго унтеръ-офицера, но тотъ ударилъ Крючкова саблей по рукѣ, разсѣкъ ему пальцы, и казакъ выронилъ винтовку.

Въ слѣдующи моментъ, несмотря на полученную рану, Крючковъ ударилъ унтеръ-офицера шашкой по головѣ. Шашка скльзнула по каскѣ.

Новымъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ унтеръ-офицеру шею.

Оставшись безъ начальниковъ, пруссаки растерялись. Было очевидно, что неприятельскій отрядъ готовится бѣжать.

Это придавало нашимъ энергии.

Въ это время два пруссакъ съ пиками набросились на Крючкова, пытаясь выбить его изъ сѣдла, но Крючковъ ухватился руками за неприятельскія пики, рванулъ ихъ къ себѣ и сбросилъ обоихъ нѣмцевъ съ коней.

Затѣмъ, вооружившись прусской пикой, Крючковъ бросился опять въ бой.

Прошло нѣсколько минутъ,—и изъ 27 пруссаковъ, сражавшихся съ 4-мя донскими казаками, остались на коняхъ только три, которые и обратились въ дикое бѣгство. Остальные были убиты, или ранены.

ДВА СЫНА И ОТЕЦЪ ВЪ СТРОЮ.

Въ Москвѣ во время прибытия раненыхъ у одного изъ вагоновъ, по слов. «Ран. У.», разыгралась трогательная сцена.

Изъ вагона легко выскочилъ какой-то юнецъ, въ солдатской шинели и, замѣтивъ на платформѣ прилично одѣтую даму, крикнулъ:

— Мама, я здѣсь!

Женщина бросилась на шею юношѣ.

— Довольно, довольно, мама,—старается освободиться изъ объятій женщины юноша.

Но мать, рыдая продолжаетъ его цѣловать.

Вскорѣ выясняется, что юноша—доброволецъ, 19-лѣтній М. Л. изъ Новогоргеизска, ученикъ технического училища, сынъ надворнаго совѣтника.

Какъ только была объявлена война, онъ пришелъ домой и заявилъ:

— Ухожу на войну!

Отецъ и мать благословили его.

Вскорѣ юноша попалъ въ самый огонь у Мазурскихъ озеръ.

Младний братъ, также ученикъ заявилъ, что желаетъ послѣдовать примѣру Михаила. Его отпустили.

Вскорѣ рѣшилъ послѣдовать примѣру сыновей и отецъ, заявивъ, что тоже уходитъ на войну.

Мать бросила домъ и уѣхала въ Москву, гдѣ и встрѣтила своего раненаго сына.

Несмотря на раны, юноша Л. съ почти дѣтской трогательностью, рассказываетъ:

— По дорогѣ сюда меня встрѣчалъ папа. Я передалъ ему захваченныя мною у непріятели два револьвера, каску и птыкъ. Папа взялъ себѣ на память. Отъ него я узналъ, что братъ ушелъ въ Восточную Пруссию.

— Какъ же тебѣ было?—интересуется мать.

— Превосходно!—весело отвѣчаетъ юноша.— Скоро подлѣчусь и поѣду назадъ въ армию...

На вопросъ, много ли у нихъ въ полку было добровольцевъ, юноша Л. отвѣчаетъ:

— 18. И всѣ одного со мной возраста.

ВЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

(Изъ рассказовъ раненыхъ).

Среди доставленныхъ въ Петроградъ раненыхъ находятся нѣсколько нижнихъ чиновъ, пробывшихъ въ теченіе двухъ дней въ плѣну у нѣмцевъ и потомъ освобожденныхъ нашими войсками:

Вотъ рассказъ одного изъ нихъ.

— Я былъ раненъ въ бою у Мазурскихъ озеръ. Рана была пустяковая, но начальникъ части заставилъ меня отправиться

въ госпиталь. Вскорѣ послѣ моего прихода въ госпиталь, вблизи его начали падать снаряды. Мы подняли флагъ Краснаго Креста, однако, нѣмцы не только не прекратили огонь, но наоборотъ, еще усилили его. Мы нѣсколько разъ мѣняли мѣста, но нѣмцы пристрѣливались къ намъ.

Такъ продолжалось два дня. На второй день, вечеромъ, нашему госпиталю было отдано приказаніе перемѣнить мѣсто стоянки. Мы направились по назначенію. Около 2-го Мазурскаго озера на нашъ госпиталь напала нѣмецкая кавалерія и стала его разстрѣливать. Мы легко раненые бросились въ разсыпную, укрывшись въ лѣсу. Вскорѣ выстрѣлы прекратились. Я направился лѣсомъ по направленію къ линии нашихъ войскъ. Пройдя часа два, я вышелъ на опушку лѣса подлѣ небольшого хутора, гдѣ увидѣлъ нашихъ сестрицъ и докторовъ, перевязывавшихъ раненыхъ. Я рѣшилъ, что набрелъ на нашъ перевязочный пунктъ и направился къ хутору. Шагахъ въ 50-ти отъ хутора на меня набросились нѣсколько нѣмцевъ, которые сбили меня съ ногъ и поволокли на хуторъ. Оказалось, что нашъ госпиталь былъ взятъ нѣмцами. Давъ намъ переночевать на хуторѣ, утромъ нѣмцы погналы раненыхъ пѣшкомъ въ городъ, издѣваясь надъ ними. Въ городѣ насъ размѣстили въ большомъ каменномъ домѣ, гдѣ продержали два дня безъ всякой пищи,—кормились мы хлѣбными сухарями, которые принесли намъ наши доктора и сестрицы въ гарманахъ и подъ халатами. На третій день, утромъ, мы замѣтили, что нѣмецкое населеніе покинуло городъ,—остались только солдаты.

Въ полдень послышались пушечные выстрѣлы. Я догадался, что это подходятъ наши и рѣшилъ бѣжать, и вышелъ во дворъ. Мнѣ повезло... Вблизи разорвался нашъ снарядъ, который привелъ нѣмцевъ въ замѣшательство. Я воспользовался этимъ и успѣлъ проскользнуть въ ворота.

Проблуждавъ съ полчаса, я вышелъ за городъ, гдѣ увидѣлъ нашихъ солдатиковъ.

Я побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу, крича:

— Братцы! Въ городѣ нашъ госпиталь, спасайте раненыхъ!

Солдаты услышали меня и бросились къ госпиталю.

Оправившись было послѣ взрыва снаряда нѣмцы, увидѣвъ нашихъ, пустились бѣжать, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по госпиталю. Вскорѣ весь городъ былъ занятъ нашими войсками и нашъ госпиталь былъ окончательно освобожденъ изъ нѣмецкаго плѣна.

ВЗЯТІЕ ОРУДІЯ.

Г. Никаноровъ передаетъ въ «Новомъ Времени» рассказы о взятіи орудія у непріятели.

Подъ офицеромъ, стремившимся къ непріятельскойскому орудію и уже раненымъ, хотя онъ своей раны не замѣтилъ, была убита лошадь, которая придавила подь собою офицера. Въ моментъ наденія офицеръ замѣтилъ, что къ орудію прорывається вахмистръ, но на пути ему попался здоровый нѣмецъ, съ которымъ вахмистръ схватился грудь съ грудью. Нѣмецъ вшилса руками въ горло русскому солдату,—еще секунда, и нашъ солдатъ будетъ сломленъ. Офицеръ, напргяши послѣднія усилія, кое-какъ извернулся подь придавившей его лошадыю, выхватилъ револьверъ и третьею пулею уложилъ нѣмца. Освободившійся вахмистръ однимъ прыжкомъ очутился у орудія и съ побѣднымъ «ура» вскочилъ на него верхомъ. Когда подбирали раненыхъ, офицеръ, уже теряя сознание, сказалъ подававшимъ ему помощь: «Не забудьте передать командиру полка, что первымъ подошелъ къ орудію вахмистръ М...» и вшалъ въ забытє.

Вахмистра представили командиру полка. Командиръ благодарилъ вахмистра за молодчество и сказалъ, что представитъ его къ Георгію.

— Дозвольте доложить, ваше превосходительство, Георгія нужно не мнѣ, а господину ротмистру В. Ихъ благородіе застрѣлили нѣмца, который меня душилъ, а то мнѣ не то что подойти къ пушкѣ, а живому бы не быть. Такъ Георгія слѣдуетъ ихъ благородію...

ГЕРОЙ ВЕЛОСИПЕДИСТЪ.

«См. В.» рассказываетъ, со словъ раненыхъ, о подвигѣ солдата-велосипедиста, который на развѣдкѣ попалъ въ яму, вырытую поперекъ шоссе нѣмцами.

Не имѣя возможности вытащить велосипедъ, солдатикъ оставилъ его и благополучно, подь градомъ пуль, добрался до своихъ. Германцы хотѣли взять велосипедъ, но русскіе не давали имъ къ нему приближаться.

— Жаль,—говоритъ солдатъ,—было отдавать хорошую машину врагу. Перекрестился я и потомъ пошелъ прямо къ велосипеду,—продолжалъ онъ совершенно хладнокровно.

Нѣмцы стали пускать по смѣльчаку пули цѣлыми пачками.

— Ничего не вижу передъ собой—разсказываетъ солдатъ, —кромѣ велосипеда. Иду и иду. Подошелъ. Вынулъ переднее колесо. Посмотрѣлъ — цѣла машина. Сѣлъ и поѣхалъ къ своимъ.

СИМВОЛИЧЕСКІЙ «ТРОФЕЙ».

«Земщина» разсказываетъ:

Когда командиръ нѣмецкаго драгунскаго полка потребовалъ, чтобы городской голова города Калиша Буковинскій вышелъ навстрѣчу и вручилъ ключи отъ города, Буковинскій былъ поставленъ въ большое затрудненіе.

— Гдѣ взять ключи, которыхъ никогда небывало. Жена Буковинскаго предложила мужу поднести нѣмцамъ ключъ отъ свиного хлѣва, такъ какъ этотъ ключъ былъ большого размѣра.

Нѣмецкiи полковникъ принялъ подношеніе за настоящие ключи и заявилъ:

— Я перешлю нашъ трофей императору Вильгельму II».

РУССКІЕ И НѢМЦЫ.

Какъ разсказываютъ раненые, солдаты такъ геройски вели себя въ послѣднихъ бояхъ, что совершенно не думали о сыпавшихся вокругъ пуляхъ.

При перебѣжкахъ не желали останавливаться.

На нѣмцевъ лѣзли, какъ бѣшеные.

И нѣмцы не выдержали.

Въ бою подъ Сталлупененомъ взята масса германскихъ плѣнныхъ.

Захваченныя пушки совершенно цѣлы. Отступая, нѣмцы даже побросали зарядные ящики, и наши подобрали ихъ цѣликомъ.

По утвержденію участниковъ боя 4 августа, всюду въ нѣмецкихъ селеніяхъ и городахъ, куда входили русскія войска, ихъ встрѣчали дружелюбно.

Нѣмецкія женщины приносили провизію, живыхъ куръ, десятками пригоняли свиней.

— Германскій солдатъ—автоматъ,—разсказываетъ одинъ

изъ раненыхъ, вольноопредѣляющихся:—безъ приказа начальства онъ не въ состояннн ориентироваться въ самомъ несложномъ положеннн.

За артиллерией германцы еще чувствуютъ себя увѣренно; но когда имъ приходится итти или принимать атаку, они теряются.

Въ такую минуту наша рѣшительность побѣждаетъ.

За шесть дней мы прошли впередъ по германской территории на большое разстоянне.

По общимъ отзывамъ нашихъ раненыхъ, германскнн пѣхотинцы стрѣляютъ плохо.

Германскнн солдаты питаются, главнымъ образомъ, консервами.

Почти всѣ задержанные нашими солдатами плѣнные или раненые прежде всего просили воды.

Въ мирное время нѣмецкнн солдаты получали за обѣдомъ всегда пиво. Теперь пиво отмѣнено, и солдаты утоляютъ жажду водой.

ПОДВИГЪ ГУСАРА.

— Дѣло очень жаркое было, подступили мы къ маленькой деревушкѣ и осторожно подвигались по правому берегу небольшой рѣчки. Неподалеку отъ насъ показался небольшой конный отрядъ. Совсѣмъ было пальбу по нимъ открыть собралнсь, да вдругъ они намъ кричатъ: «Свой!». Нашъ разѣздъ былъ небольшой, и мы должны были узнать, гдѣ нѣмецъ засѣлъ. Тогда я говорю нашимъ: «Подождите-ка здѣсь, братцы, а я спѣшусь, подползу къ опушкѣ и все разузнаю». Въ Манджурнн мнѣ такъ часто приходилось. Слѣнился я, значить, и началъ прокрадываться къ опушкѣ лѣса. Не доходя до нея шаговъ этакъ десять,—гляжу, блестятъ двѣ нѣмецкнхъ каски. Ну, думаю, съ двумя-то нѣмцами я справлюсь, и сразу кинулся на нихъ. Одного прикладомъ стукнулъ, онъ тутъ же свалился, а другого пришлось штыкомъ, очъ тоже сразу упалъ. Гляжу,—а нѣмцевъ еще человекъ 10 въ кустарникѣ спрятались. Я думалъ, ихъ только двое, да остальныхъ касокъ-то я сразу и не замѣтилъ. Отступать, конечно, уже

поздно было. Я кинулся, что есть мочи на нѣмцевъ, стукнулъ изо всей силы одного, который поближе, прикладомъ, а у другого нѣмца пику выхватилъ и прокололъ его.

Нѣмцы растерялись, двое бросились бѣжать, а остальные побросали пики, подняли руки вверхъ и начали что-то бормотать на своемъ языкѣ. «Въ плѣнъ, дескать, сдамся».

Я первое время даже было смутился,—вотъ ужъ не ожидалъ чего, чтобы одному семь человекъ сдалось! Нѣмцевъ, значить, всего 13 человекъ было, четырехъ-то я изъ пикъ изъ строю вывелъ, двое убѣжали, а семерыхъ оставшихся я и повелъ къ своимъ. А наши ужъ подѣзжали, — потому нѣмцы и перепугались. Сдалъ я имъ, значить, плѣнныхъ,—вотъ потѣха была! Наши давай меня поздравлять: — Ай да Моисеенко,—чуть ли не цѣлый эскадронъ нѣмцевъ одинъ привелъ! А тутъ случай. Когда я нашимъ плѣнныхъ сдавалъ — двое нѣмцевъ, которые были убѣжамши, палить начали по насъ изъ лѣсу—вотъ одной пулей и руку раздробило. Большая охота у насъ была этихъ нѣмцевъ поймать, да время было поворачивать.

Меня помѣстили въ Красный Крестъ и вотъ здѣсь съ нами такая исторія приключилась. Заночевали мы въ одной деревушкѣ и нашъ отрядъ помчался дальше, а мы въ Красномъ Крестѣ замѣшкались.

Наши уѣхали, а вдругъ черезъ часъ, эдакъ, нѣмецкій конный отрядъ появился. Нашъ докторъ объяснилъ имъ, что мы изъ русскаго «Краснаго Креста»,—насъ нѣмцы сначала не тронули. Но не прошло и минутъ пятнадцать, какъ наши появились и открыли по нѣмцамъ пальбу. Тогда нѣмцы захотѣли нашъ Красный Крестъ впередъ поставить, чтобы наши не смогли палить изъ-за насъ по нѣмцамъ, да докторъ нашъ началъ кричать ихнему командиру. Тому, должно быть, совѣстно стало, и насъ тогда отвели въ избу, куда пули уже не долетали.

— Вотъ, немного поправлюсь,—опять въ армию вернусь. Дай-Богъ поскорѣе,—закончилъ свой рассказъ Моисеенко.

4 ПРОТИВЪ ЗВ.

(Боевой эпизодъ).

Приводимъ письмо отъ раненаго подпорщика-стрѣлка, въ которомъ описанъ одинъ изъ эпизодовъ текущей войны, характеризующій великолѣпную мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ-стрѣлковъ.

«Мы подвигались вдоль полотна желѣзной дороги,—ишеть раненый,—сѣгна занять удобныя для обстрѣливанія непріятели возвышенности, и, къ нашему удовольствію, наткнулись на вырытые и оставленные нѣмцами окопы.

Занявъ окопы, мы открыли по нѣмецкимъ колоннамъ сильный огонь и уже успѣли ихъ здорово обстрѣлить, какъ замѣтили, что непріятельская артиллерія «нащупала» нашу цѣпь, и шрапнели то и дѣло разрывались надъ нашими головами. Пришлось окопы оставить и переползти въ близъ лежащее клеверное поле.

Вскорѣ непріятельскія колонны настолько удалились, что мы прекратили огонь, чему были очень рады, т. к. патроновъ осталось очень мало, а у меня и совсѣмъ вышли.

Вдругъ подбѣгаетъ нашъ стрѣлокъ и говоритъ мнѣ, что рядомъ съ нами сильная нѣмецкая цѣпь.

Я такъ и обомлѣлъ. Смотрю въ бинокль и насчиталъ нѣмцевъ человекъ сорокъ. Но ужъ понадѣялся на своихъ ребятъ, да и на то, что нѣмцы совсѣмъ паршиво стрѣляютъ, отобралъ троихъ, у которыхъ патроновъ осталось побольше, а самъ взялъ винтовку и патроны у раненаго и поползли къ непріятельской цѣпи.

Подползли, этакъ, шаговъ на 200. Я и говорю: смотри же ребята, патроновъ мало, такъ, чтобы ни одного патрона на вѣтеръ не пускать. Потомъ назначилъ ефрейтору В. 10 нѣмцевъ съ лѣваго фланга, слѣдующимъ также по 10, а для себя оставилъ остальныхъ и открыли огонь.

Смотримъ и нѣмцы поднимаютъ руки и каски на штыкахъ, а головы прячутъ.

Мы перестали стрѣлять и призадумались, какъ же это мы 40 нѣмцевъ вчетверомъ въ плѣнь возьмемъ. Ну, думаю, попробуемъ. Только крикнулъ, чтобы ружья побросали и впередъ выходили по одному, какъ они вдругъ по мнѣ залпъ... Ахъ, вы, черти. ругнулся я, прилежъ снова въ клеверъ и ужъ приказалъ перестрѣлять всѣхъ.

Черезъ двѣ минуты, смотримъ,—у нѣмцевъ никакого шевеленія.

Осторожненько подползли, смотримъ, — всѣ лежатъ перебиты; только двое раненыхъ, а остальные—наповаль.

Посчитали тогда нѣмцевъ, оказалось, 38 человекъ, изъ которыхъ два офицера».

Г Е Р О И Н Я .

Маленьки городъ Этонъ, въ департаментѣ Мэзъ, подвергся двумъ бомбардировкамъ. Жертвъ много. Пламя охватило городъ. Почтово-телеграфной конторой этого городка завѣдывала молодая дѣвушка. Не поддавшись чувству страха, молодая дѣвушка не покинула своего поста даже тогда, когда снаряды стали падать близъ зданія почтовой конторы. Оставаясь въ конторѣ, она телефонировала въ Верденъ о происшедшемъ. Верденскій начальникъ почты, принимавшій по телефону донесенія отважной женщины, вдругъ услышалъ:

— Бомба попала въ контору...

На этомъ голосъ ея прервался. Въ телефонѣ послышался какой-то гулъ, и все стихло.

Р Ъ Д К І Й Г Е Р О Й .

Находящійся на излеченіи въ московскомъ Лефортовскомъ военномъ госпиталѣ участникъ боевъ подъ Сталупенемъ, поручикъ Л., рассказываетъ о геройскомъ подвигѣ нижняго чина пулеметной роты Максима Кашеварова. Среди чиновъ пулеметной команды разорвалась нѣмецкая граната. Кашеварову оторвало ногу. Понимая, что онъ, какъ наводчикъ пулеметовъ, очень нуженъ, Кашеваровъ потребовалъ, чтобы ему сдѣлали перевязку тутъ же на позиціи; отправиться на перевязочный пунктъ въ лазаретъ онъ отказался, и безъ ноги, истекая кровью, остался на своемъ посту до конца боя, внося мѣткой стрѣльбой изъ пулеметовъ опустошеніе въ нѣмецкихъ войскахъ. Я былъ очевидцемъ,—говоритъ подпоручикъ Л.,—какъ градомъ нуль, сыпавшихся изъ пулемета изувѣченнаго Кашеварова и его товарищей былъ сметенъ цѣлый нѣмецкій полкъ.

ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ письма запаснаго).

Не ожидалъ того, что здѣсь есть.

Въ Москвѣ былъ необычайный подъемъ, а въ Варшавѣ еще больше. Такого, прямо неотразимаго сочувствія Россіи я никакъ не ожидалъ. Оно несомнѣнно. Когда мы проѣзжали Польшу, казалось, населеніе относится къ намъ сдержанно, не какъ въ русскихъ губерніяхъ. Но это оттого, что встрѣчи, разлуки и «ура» должно быть прѣлись, потому жители выказывали равнодушіе. Но въ Варшавѣ не то:

— Въ Россіи думали, что мы поднимемъ мятежь, но глубоко ошиблись,—говорятъ въ Варшавѣ.

Слово «русскіе» здѣсь не слышно. Говорятъ только «мы» и «наши»: наши наступаютъ, наши перешли границу... Такого расположения я не ожидалъ: мы, русскіе солдаты—герои дня. Въ добровольцы просятъ тьмы варшавянъ. Конечно, здѣсь играетъ большую роль и то, что въ арміи много поляковъ. Ихъ много провозятъ раненыхъ, и всѣ они, наравнѣ съ русскими, не признаютъ команды «назадъ». Раненые офицеры, прѣзжающіе съ поля битвы, только и говорятъ, что словъ «кругомъ» и «назадъ» хотъ и не командуй.

— Мы назадъ не идемъ!

Сначала мобилизаціи въ Польшѣ боялись прихода нѣмцевъ, а теперь успокоились...

БОЙ ВЪ ОБЛАКАХЪ.

Корреспондентъ «Р. Вѣд.» передаетъ описаніе воздушнаго боя, сдѣланное очевидцемъ Луиджи Борцини:

Въ Валансьенѣ показался на высотѣ около тысячи метровъ германскій аэропланъ. Онъ казался неподвижно висащимъ на плавно раскинутыхъ прозрачныхъ крыльяхъ выше огромныхъ сѣрыхъ тучъ. Но онъ былъ не одинъ. Со стороны Турнэ приблизился другой аппаратъ,—маленькій, стройный, легкій, быстрый французскій аэропланъ. Враги скоро замѣтили другъ друга. Французскій аппаратъ перемѣнилъ направленіе съ очевидной цѣлью отрѣзать врагу отступленіе. Нѣмецъ не сворачивалъ, а началъ подниматься все выше,—уменьшился въ размѣрахъ, почти скрылся изъ глазъ. Французъ также поднялся, сталъ приближаться къ врагу, уменьшился въ размѣрахъ. Разстояніе между ними все больше сокращалось,

столкновение казалось неизбежнымъ. Зрителями овладѣло сильнѣйшее волненіе, безмолвно слѣдили они за этой удивительной борьбой. Нѣмецъ, слѣдя за противникомъ, не мѣнялъ направленія, а поднимался все выше, летя по-прежнему прямо впередъ,—вѣроятно, онъ везъ важныя свѣдѣнія; быть можетъ побѣда зависѣла отъ того, что онъ могъ подсмотреть. Казалось, онъ добился своего, его маневръ былъ слишкомъ ясенъ: онъ искалъ убѣжища въ небесахъ, хотѣлъ спрятаться въ грандіозномъ лабиринтѣ облаковъ. Онъ добрался до нихъ и исчезъ; мгновеніе онъ показался изъ-за сѣрой тучи, но слѣдующая вновь поглотила его. За нимъ устремился французъ, и въ невидимой выси продолжали свой бѣгъ.

ЕЩЕ О КАЗАКАХЪ.

Въ числѣ прочихъ раненыхъ въ Москву прибыли казаки, принимавшіе участіе въ послѣднихъ бояхъ подъ Львовымъ.

Держатся казаки весело, непринужденно и охотно дѣлятся впечатлѣніями съ окружающей ихъ публикой.

Почти съ 10-го августа наши кавалерійскіе отряды вступили въ соприкосновеніе съ непріятельскими частями, постоянно тревожа ихъ набѣгами, врѣзываясь неожиданно въ непріятельскіе транспорты и то и дѣло обрушиваясь лавой на непріятельскую конницу и пѣхоту. Нерѣдко наши казаки продѣлывали огромные переходы, далеко отбиваясь отъ своихъ центральныхъ частей и своимъ внезапнымъ появленіемъ производя панику среди австрійцевъ. Часто не слѣзали съ сѣдла въ продолженіе 3—4 дней. Участвовали чуть ли не во всѣхъ сраженіяхъ: подъ Замостьемъ, у Комарова, около Томашева и впервые на рсяхъ влетѣли во Львовъ, преслѣдуя отступавшаго непріятели по пятамъ.

О непріятельской конницѣ казаки отзываются съ пренебреженіемъ. Со смѣхомъ и прибаутками рассказываютъ о венгерскихъ кавалеристахъ, которые выступаютъ въ бой «словно на парадъ»: въ красныхъ доломанахъ и синихъ рейтузахъ, а иногда и во всемъ красномъ: «точно черти изъ ада».

Какъ объ одномъ изъ эпизодовъ похода, рассказываютъ казаки о взятіи въ плѣнъ подъ Томашевымъ 252 австрійцевъ. Еще съ вечера 16-го августа одинъ изъ казачьихъ разъѣздовъ выслѣдилъ около Томашева—въ лѣсу расположившійся на стдыхъ австрійскій пѣхотный отрядъ. Казаки (ихъ было около 20—25 человекъ) тихо снѣжились и увели лошадей вглубь

лѣса, чтобы не было слышно ржанія. Ночью—около часу—рѣшено было по сигналу произвести одновременное нападеніе съ трехъ сторонъ; казачій отрядъ раздѣлили на три группы и разсыпался по лѣсу. Въ одномъ мѣстѣ подходившіе къ австрійскому лагерю казаки были встрѣчены окрикомъ—на польскомъ языкѣ—сторожевого солдата.

Одинъ изъ казаковъ—тоже по-польски—отвѣтилъ: «свои». Въ тотъ же моментъ часовой ударомъ шапки былъ, какъ выражаются казаки, «снятъ». Казаки съ трехъ сторонъ закричали «ура» и открыли бѣглый ружейный огонь по лагерю. Обезумѣвшіе австрійцы,—среди нихъ, какъ потомъ выяснилось, было много поляковъ, чеховъ и сербовъ,—вообразили, что они окружены серьезными силами. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ рѣшили сдаться. Многие изъ чеховъ становились на колѣни, бросали ружья и кричали: «Твой Богъ—мой Богъ».

Разсказываютъ казаки и о взятіи Львова. Мѣстность, по ихъ описаніямъ, около Львова лѣсистая. Городъ расположенъ на высокихъ холмахъ и очень красивъ.

Все время—до взятія города—гремѣла орудійная канонада. Принимала участіе во взятіи передовыхъ львовскихъ укрѣпленій, главнымъ образомъ, пѣхота; наши кавалерійскія части при этомъ почти не участвовали. Только послѣ того, какъ нашъ лѣвый флангъ произвелъ натискъ на австрійскіе отряды, неприятель дрогнулъ, а вскорѣ обратился въ паническое бѣгство, оставляя на своемъ пути орудія, пулеметы, транспорты съ фуражемъ и провіантомъ. По пятамъ неприятеля влетѣла наша конница—это случилось около 9 час. утра. Къ 11 часамъ утра 21-го августа въ городъ вступилъ при звукахъ военной музыки ген. Русскій и остальные части нашего войска.

Городъ, по разсказамъ казаковъ, отъ бомбардировки почти не пострадалъ.

Въ тотъ же день, по вступленіи въ городъ, казаки были отправлены на новую рекогносцировку,—гдѣ разсказчикъ и былъ легко раненъ.

КАЗАЧЬЯ СКРОМНОСТЬ.

(Разсказъ казака).

На дняхъ донской казакъ, есауль П. прислалъ своей женѣ письмо, часть котораго приводимъ здѣсь.

«4 августа у меня было жаркое лѣто съ нѣмцами. Вышло такъ: Нашъ полкъ былъ двинутъ отдѣльно впередъ. Въ голову полка выдвинули мою сотню. Все шло хорошо. Съ частью сотни передъ вечеромъ я подошелъ къ нѣмецкому городку. Въ головѣ идетъ хорунжій Л., котораго я послалъ узнать занять ли городъ, а самъ съ семью казаками жду. Вдругъ вижу, что Л. со своими молодцами летитъ ко мнѣ и кричитъ: настъ догоняетъ эскадронъ нѣмцевъ. Мои молодчики собрались около меня, мы перекрестились и бросились на нихъ. У нихъ убили четырехъ офицеровъ и много нижнихъ чновъ. Они не выдержали и побѣжали назадъ. Мы за ними. У меня убитъ одинъ казакъ и 5 ранено. Я раненъ въ лѣвую ногу».

Такое письмо прислалъ удалецъ-есауль своей женѣ.

На другой день прибылъ раненый казакъ и разсказалъ подробности этого боя. Начало такое же какъ въ письмѣ. Эскадронъ, болѣе 150 человекъ, мчался съ горы на кучку казаковъ, которые выстроились и помчались имъ навстрѣчу. Шагахъ въ 30 впереди всѣхъ мчался есауль П. прямо на командира нѣмецкаго эскадрона, тоже вырвавшася впередъ. Оба спшиблись. Конь у есаула П. сѣлъ на заднія ноги. Сверкнули пашки и бойцы обмѣнялись ударами. Есауль П. оказался легко раненымъ въ голову. Въ этотъ моментъ подошелъ на помощь своему командиру урядникъ и ударомъ пашки наотмашъ рѣзанулъ поперекъ лица офицера, и голова нѣмца отлетѣла совершенно отрубленная. Оправившійся есауль П. врѣзался въ ряды непріятели и рубилъ направо и налево. Всѣ нѣмецкіе офицеры были изрублены, и остатки непріятельскаго эскадрона бросились наутекъ, отстрѣливаясь на ходу. Во время погони пуля попала въ ногу есаула П. и онъ свалился съ коня. Рана серьезная, и его доставили въ госпиталь. За молодецкое дѣло есауль П. представленъ къ Георгію.

Есауль П. лежитъ въ госпиталѣ въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ, о чемъ онъ, какъ и о своей рацѣ въ голову, къ счастью не опасной, даже, по своей скромности, не написалъ, равно какъ не описалъ геройскаго подвига и своего, и своихъ «молодчиковъ».

ПОДВИГЪ РАНЕНАГО.

«С.-З. Гол.» сообщает о высокомъ подвигѣ человѣколюбія солдата Степана Терещенко. 15 августа въ 11 часовъ вечера подошелъ поѣздъ, направлявшійся изъ Харькова въ Вильно, къ ст. Минскъ. Черезъ 15 минутъ послѣ прибытія поѣзда вдругъ раздался на всей территории станціи пожарная тревога. Какъ оказывается, загорѣлись деревянные дома, расположенные передъ станціонной площадью. Уже пылалъ двухэтажный домъ. На второмъ этажѣ этого дома жила большая семья парикмахера Левина. Изъ этой семьи остался въ пылающемъ домѣ грудной младенецъ. Никто не рѣшался войти по лѣстницамъ, охваченнымъ огнемъ. Тогда приставили пожарную лѣстницу къ окну второго этажа и по ней взобрался, прибѣжавшій на помощь, солдатъ, прибывшій въ числѣ раненыхъ съ санитарнымъ поѣздомъ. Имѣя въ рукахъ зажженную свѣчу, онъ обшарилъ всѣ углы квартиры и черезъ нѣсколько минутъ показался въ окнѣ съ ребенкомъ, едва держась на ногахъ.

Подбѣжавше пожарные спустили его осторожно за руки по лѣстницѣ на землю. Солдатъ этотъ уже побывавшій въ бою, раненъ въ руку и ногу. Комендантомъ станціи составленъ рапортъ для донесенія по начальству о геройскомъ подвигѣ Терещенко.

БОИ СЪ АВСТРІЙЦАМИ.

Крестьянка Б. изъ Городка, вблизи Каменецъ-Подольска, прислала своему брату въ Одессѣ письмо о боѣ, происшедшемъ между русскими и австрійцами. Приводимъ письмо почти цѣликомъ:

«Три дня тому назадъ былъ у насъ жаркій бой. Австрійское войско большой силой совершенно неожиданно показалось изъ лѣса и стало стрѣлять въ русскихъ. Нашихъ было мало, и мы начали отступать. Но зато вскорѣ подоспѣли наши brave казаки и пѣхота, которые обошли низомъ австрійковъ и стали сильнымъ огнемъ обстрѣливать ихъ. Австрійцы испугались русскихъ и начали удирать. Но наши казаки продолжали преслѣдовать неприятеля, котораго загнали за границу. Бабы, у которыхъ были собственныя лошади, привозили съ поля убитыхъ австрійковъ. А бабы, у которыхъ лошадей не было, копали ямы и сбрасывали туда убитыхъ. Съ нашей стороны пало нѣсколько солдатъ и одинъ офицеръ, которые похоронены возлѣ церкви. Офицеру поставили памятникъ».

РАЗСКАЗЪ. ПОДПОЛКОВНИКА.

Подполковникъ раненый въ бояхъ между Люблиномъ и Холмомъ, рисуетъ положеніе русско-австрійскихъ сраженій съ 10 по 17 августа въ слѣдующемъ видѣ:

— Противъ русской армии, гдѣ я находился, былъ расположенъ лѣвый флангъ австрійской армии, растянувшейся между Завихвостомъ и Томашевымъ. Намъ необходимо было сдерживать наступающія отдѣльныя части праваго крыла и отчасти австрійскаго центра, находившагося вблизи Каменки. Австрійцы оказывали между Вислой и Бугомъ упорное сопротивление. Но все же они были сломлены и мы, хотя и медленно, но подвигались впередъ.

Переходя въ наступленіе, мы имѣли столкновенія, главнымъ образомъ, съ передовыми отрядами австрійской армии. Верстахъ въ 25—30 отъ Грубешова у перелѣска, мнѣ съ отрядомъ пришлось выдержать бой съ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ. Здѣсь я и былъ раненъ. Необходимо было задержать передовыя отряды лѣваго австрійскаго крыла для того, чтобы пополнить одинъ изъ маневровъ штаба. Намъ приказано было окопаться и не отступать до приказанія. Мы исполнили.

Кругомъ слышны были выстрѣлы. Слѣпно окопавшись и установивъ на выгодныхъ позиціяхъ орудія, мы стояли и ждали появленія врага.

Вскорѣ до насъ стали долетать ядра. Солдаты шутили:

— Австріецъ щупаетъ, ищетъ насъ.

Еще минута—и у перелѣска мы завидѣли разъѣздъ. Открыли огонь. А еще черезъ нѣсколько минутъ вокругъ насъ летали ядра, шипѣли, лопались. Приказаній отдавать не приходилось, солдаты сами понимали, что надо дѣлать. Нужно было остановить непріятели. Люди, между тѣмъ, гибли, и гибли. Нѣсколько разъ расположенные вблизи насъ пѣхотинцы бросались въ атаку, нѣсколько разъ отбрасывали непріятели и уходили снова на свои позиціи. Были моменты, когда мы находились точно въ аду: кругомъ вертѣлось, жужжало, свистѣло. Къ вечеру лишь мы получили приказъ: «Передвинься направо». Когда мною былъ отданъ приказъ къ передвиженію, лежавшіе на животахъ солдаты не поднялись: они были почти все перебиты.

Но дѣло свое мы исполнили. Вечеромъ 17 августа я замѣтилъ, что раненъ, и ушелъ на перевязочный пунктъ.

БОИ ПОДЪ ГОРАЕМЪ.

11-го августа, рассказывает одинъ изъ раненыхъ, начался бой подъ Гораемъ, въ мѣстности совершенно изрытой благодаря заграждениямъ и вообще убійственной въ топографическомъ смыслѣ.

То попадались котловины и рытвины, то холмы и густые лѣса.

Наша часть подъ командою генерала N. лихо вступила въ бой чуть не съ двойными силами австрійцевъ, и, послѣ жаркаго артиллерійскаго огня, кстати сказать, обнаружившаго превосходство нашей артиллеріи передъ неприятельской, мы заставили врага отступить. Австрійцы стали подтягиваться къ своимъ главнымъ силамъ, сосредоточившимся подъ Львовымъ.

Генералъ, командовавший всѣми нашими силами въ этомъ сраженіи, распорядился оставить на мѣстѣ сраженія для прикрытія нашего фронтальнаго передвиженія одинъ лишь корпусъ подъ командою генерала N., который выдержалъ всѣ атаки отступавшихъ соединенныхъ силъ австрійцевъ, все время находясь въ сферѣ жестокаго огня и не сходя съ коня.

Наша артиллерія оказала разрушительныя дѣйствія на всѣ укрѣпленія австрійцевъ, которые, видимо, серьезно готовились къ сраженію подъ Гораемъ. Найдены были окопы, требующіе многихъ недѣль труда, водоемы, залитые на большой глубинѣ, и фугасныя поля.

Въ этой битвѣ нашъ корпусъ, зараженный безстрашіемъ своего командира, сражался геройски и, несмотря на жестокой перекрестный огонь изъ окоповъ на юго-западъ отъ Горая и перекидной артиллерійскій огонь изъ-за лѣса, лихо двигался впередъ въ атаку, заставивъ австрійцевъ отступить и бѣжать въ безпорядкѣ.

Какъ только мы бросились въ штыки, австрійцы не выдержали и часть побѣжала, а часть стала сдаваться съ оружіемъ.

О МЕРТВЫХЪ НА ПОЛѢ БИТВЫ.

Прибывшіе съ австрійской границы раненые рассказываютъ трогательныя подробности о своихъ павшихъ на полѣ брани товарищахъ.

— Когда кончается бой и начинается стихать канонада, на полѣ сраженія взвивается флагъ Краснаго Креста и между убитыми и ранеными начинаютъ свое доброе дѣло люди съ

красными крестами на груди. Это—санитары, сестры и врачи. Они неслышными шагами тихо переходят от группы къ группѣ. Осторожно отдѣляютъ живыхъ отъ мертвыхъ, торопятся оказать помощь «экстреннымъ», ободряютъ ласковыми словами легко раненыхъ, просятъ ихъ потерпѣть, обождать очереди.

Часто послѣ грохота битвы на полѣ раздается тихое похоронное пѣніе. Священники отпѣваютъ сложенныхъ въ ряды умершихъ, для которыхъ товарищи, оставшіеся въ живыхъ, роютъ братскія могилы. Послѣ отпѣванія въ могилы кидаютъ горсти земли, батюшка осѣняетъ павшихъ въ бою воиновъ крестомъ и могила закапывается подъ тихое пѣніе солдатъ.

То тамъ, то тутъ требуютъ священника къ умирающему, который проситъ благословить его «на жизнь безконечную».

Иногда, если есть время, солдаты изъ вѣтокъ дѣлаютъ небольшие кресты и водружаютъ ихъ надъ братскими могилами.

Священники не всегда ожидаютъ конца сраженія, иногда они съ крестомъ въ рукахъ идутъ въ ряды сражающихся, благословляютъ ихъ на подвигъ ратный.

При уборкѣ раненыхъ послѣ битвы въ общей работѣ сливаются санитарные отряды враждующихъ лагерей. Всѣ заняты отборкой своихъ къ своимъ. Раненыхъ австрийцевъ обходятъ съ напутствованиемъ, ксендзы и пасторы.

Послѣ одного жаркаго сраженія на полѣ осталось нѣсколько убитыхъ австрійскихъ офицеровъ. Австрійцы на этотъ разъ бѣжали и не успѣли похоронить своихъ. Вѣсть о томъ, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ лежатъ непогребенными, дошла до русскаго лагеря. Дѣло было близъ Люблина. Русскіе офицеры, узнавъ, что убитые офицеры—сербы австрійскіе подданные, рѣшили похоронить ихъ. Нѣсколько офицеровъ отправились въ Люблинъ, купили тамъ вѣнковъ, крестъ и цвѣтовъ. Затѣмъ убитыхъ обмыли, вырыли для нихъ братскую могилу, и православный священникъ предалъ ихъ землѣ по христіанскому обряду. Офицеры водрузили надъ могилой крестъ, убрали его вѣнками и сдѣлали сердечную надпись о павшихъ въ честномъ бою воинахъ.

НА ЛЮБЛИНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Прибывшіе въ Москву раненые офицеры рисуютъ слѣдующую картину боевъ на австрійскомъ фронтѣ. Бой при Раханѣ, изобилующій цѣлыми рядами эпизодовъ, начался 13-го августа. Еще съ утра нами было начато одновременно фронтальное и лѣво-фланговое наступленіе на позиціи противника, занявшаго небольшіе склоны, поросшіе лѣсомъ, у дер. Рахане.

Главная операціонная база австрійцевъ находилась въ то время въ Томашовѣ.

Вскорѣ послѣ открытія орудійной канонады и бѣшеннаго пулеметнаго огня съ обѣихъ сторонъ наши пѣхотныя части кинулись въ атаку. Стремительнымъ натискомъ непріятель былъ выбитъ изъ окоповъ и сталъ отступать за деревню, вглубь лѣса. Одновременно предпринятое нами лѣво-фланговое движеніе подвигалось не менѣе успѣшно. Видя, что непосредственной связи съ главной операціонной базой у непріятели не имѣется, посланные нами въ обходъ праваго крыла австрійцевъ пѣхотныя части послѣ жестокой ружейной перестрѣлки стали захватывать противника съ тыла.

Тѣмъ временемъ, не видя предъ собой убѣжавшаго непріятели, наши фронтальныя части прекратили преслѣдованіе и отошли.

Стали понемногу отходить и фланговыя части. Шли по лѣсной дорогѣ, недалеко отъ которой лежали собранные мѣстными крестьянами высокіе скирды. И на этотъ разъ австрійцы не удержались отъ предательской хитрости. Въ то время, какъ наши части, прекративъ преслѣдованіе, стали отходить обратно къ деревнѣ, многие изъ бѣжавшихъ австрійцевъ притаились за скирдами. Туда же потихоньку, незамѣтно были выдвинуты ими и пулеметы. По проходившимъ недалеко русскимъ частямъ былъ открытъ жестокий пулеметный огонь. Къ счастью, при дорогѣ оказалась канава, въ которой моментально залегли наши стрѣлки. Завязалась перестрѣлка. Перестрѣлка была тотчасъ же замѣчена возвращавшимся съ удачнаго боя нашимъ право-фланговымъ отрядомъ подъ командой ген. Б. Послѣднимъ былъ отданъ приказъ итти на подмогу. Черезъ какой-нибудь часъ остатки австрійцевъ успѣшно бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ много плѣнныхъ. Слѣдующій бой разыгрался уже подъ Комаровымъ. Бой начался рано утромъ 16-го августа. Австрійцы снова заняли расположенный полукругомъ лѣсъ, имѣя въ центрѣ этого полукруга дер. Яновку, въ которой сосредоточились крупныя резервныя

силы. Одновременно нашими войсками были предприняты три наступления: съ фланговъ и съ фронта.

Успѣшно дѣйствовавшимъ нашимъ правымъ крыломъ непріятель былъ оттѣсненъ сначала къ центру, а нѣсколько поздне къ своему правому крылу. Въ виду малочисленности нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ наши операціи были принуждены здѣсь нѣсколько задержаться, чѣмъ рѣшилъ воспользоваться противникъ, выславъ цѣлый кавалерійскій полкъ для обхода нашего лѣваго крыла.

Расчетъ непріятеля былъ разрушенъ одной только сотней казаковъ: какъ птицы, вынырнули они изъ густого кустарника и стремительнымъ налетомъ расшибли весь австрійскій полкъ на-голову.

Въ виду подхода новыхъ австрійскихъ силъ сраженіе занялось на нѣсколько дней.

По послѣднимъ извѣстіямъ—положеніе австрійцевъ на этомъ фронтѣ плачевное.

ЭПИЗОДЪ ВОЙНЫ.

Одинъ изъ прибывшихъ съ театра войны раненыхъ рассказываетъ слѣдующій интересный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ боевъ въ Восточной Пруссіи.

— Наша рота, все время обстрѣливая непріятеля, вышла на небольшую полянку, поросшую низкимъ, молодымъ лѣскомъ.

Перестрѣлка не умолкала ни на минуту.

Вдругъ одинъ изъ моихъ товарищей, все время державшійся отъ меня на разстояніи 1—2 шаговъ, какъ то сразу выбросился всѣмъ корпусомъ впередъ и въ слѣдующій моментъ, вытянувшись во весь ростъ, быстро рухнулъ на спину.

Вся грудь его сразу окрасилась кровью.

Я бросился къ нему, но почувствовалъ въ этотъ моментъ сильный ожогъ всего тѣла и предъ глазами все затуманилось...

Когда я очнулся, вокругъ царилъ полная тишина. Надо мной растилалось голубое небо, и только тупая ноющая боль во всемъ тѣлѣ вернула меня къ печальной дѣйствительности.

У меня оказалась прострѣленной нога выше колѣна.

Съ трудомъ поднявшись на колѣни, я увидѣлъ рядомъ съ собой моего товарища лежащимъ безъ чувствъ.

У него было навзлетъ престрѣлено горло.

Кое-какъ я перевязалъ его рану носовыми платками.

Вокругъ все было тихо.

Я рѣшилъ добратъся до санитарнаго пункта, до котораго было по моимъ расчетамъ, не менѣе пяти верстъ.

Кое-какъ поставивъ на ноги моего товарища, я отправился съ нимъ въ путь.

Каждый шагъ стоилъ намъ колоссальныхъ усилий.

Такъ протащились мы нѣсколько десятковъ сажень.

Вдругъ, когда мы свернули за уголъ небольшого лѣска, мы увидѣли прусскаго солдата, который, припавъ на одно колено, цѣлился въ насъ изъ винтовки.

Неожиданное появленіе врага меня ошеломило.

А пруссакъ все цѣлился—еще моментъ и онъ выстрѣлитъ.

Тогда я, быстро приставивъ полуживого товарища къ стволу дерева, поднялъ винтовку, прицѣлился и выстрѣлилъ.

Пруссакъ не шелохнулся—значитъ, я промахнулся.

Я ждалъ выстрѣла пруссака, но его не послѣдовало.

Я былъ такъ удивленъ, что больше не стрѣлялъ.

Прошло нѣсколько секундъ. Пруссакъ все цѣлится.

Тогда, взявъ ружье на перевѣсъ, я бросился къ нему.

Пруссакъ былъ по-прежнему недвижимъ.

Онъ оказался мертвымъ.

Русская пуля сразила его въ тотъ моментъ, когда онъ цѣлился въ нашихъ солдатъ.

Припавъ прострѣленной головой къ дулу ружья, онъ такъ и застылъ въ этой позѣ.

Я развернулъ его скатанную черезъ плечо шинель, положилъ врага на землю и, накрывъ его шинелью, пошелъ къ изнемогавшему отъ раны товарищу.

Мы побрели далѣе. Черезъ нѣсколько часовъ мы были у своихъ.

НѢМЦЫ ДОБИВАЮТЪ РАНЕННЫХЪ.

Одинъ изъ раненыхъ русскихъ офицеровъ рассказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ слѣдующей ужасной сцены въ Восточной Пруссіи.

Во время боя нашъ офицеръ былъ раненъ и, лишившись сознанія, остался на полѣ сраженія. Вскорѣ, придя въ себя, онъ увидѣлъ, что нѣсколько германскихъ офицеровъ расхаживали по полю сраженія и тщательно разсматривали раненыхъ. Замѣтивъ ихъ, офицеры подходили къ раненымъ и перевертывая погоны, отыскивали офицеровъ.

Какъ только нѣмцы находили русскаго раненаго офицера, они пристрѣливали его изъ револьвера. Очевидцу этой ужасной картины пришлось притвориться мертвымъ, и этимъ путемъ онъ избѣжалъ омерзительной расправы.

ВЪ ИНСТЕРБУРГѢ.

(Изъ частнаго письма).

...Инстербургъ славный городъ, гораздо лучше Мемеля, все можно купить... Сейчасъ въ ИнстербургѢ прямо прелесть; нѣмцы возвращаются на свои мѣста. Почти всѣ магазины открыты. По городу ходятъ наши патрули, стоятъ часовые, ходятъ нѣмцы съ бѣлыми повязками, избранные самоуправленіемъ и играющіе роль полицейскихъ. Еще очень пріятное обстоятельство: приказано считать одинъ рубль за три марки, и хотя нѣмцы и набавляютъ на все цѣну, но, все-таки, все дешево... Нѣмцы къ намъ очень милы и услужливы. Говорятъ, что войны не хотѣли и что Вильгельмъ ихъ обманулъ, что они никакъ не ожидали, что русскіе такъ культурны—не только не жарятъ ихъ дѣтей, но даже и не грабятъ ихъ; ихъ больше разграбили ихъ собственныя войска, чѣмъ наши.

БОЙ ПОДЪ ЗЛОЧЕВЫМЪ.

Въ Житомирѣ прибылъ раненый подпоручикъ К., участникъ боя подѣ Злочевымъ.

— 13 августа,—говоритъ г. К.,—нашъ полкъ двинулся по направленію къ Злочеву.

Около лѣса насъ встрѣтила дивизія австрійскаго войска, сформированная изъ «босняковъ».

Въ авангардѣ нашего полка былъ другой полкъ. Въ два часа дня мы получили приказаніе взять влѣво къ Злочеву.

Въ это время другой авангардный полкъ былъ уже въ «работѣ», ибо черезъ нѣкоторое время мы уже встрѣчали раненыхъ, которые отпраплялись на перевязочный пунктъ.

Вдругъ около канавы на опушкѣ лѣса усиленный отрядъ австрійской артиллеріи открылъ по насъ сильный огонь.

Австрийцы оказались окопанными.

Огонь ихъ причинилъ намъ незначительныя потери. Наша артиллерія и пулеметы очень мѣтко отвѣчали.

Вдругъ мы получаемъ приказаніе перейти въ наступленіе. Завязался горячій бой, длившійся до сумерекъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бой перешелъ въ штыковой, отъ какового австрийцы уклонялись.

Черезъ нѣкоторое время при незначительныхъ потеряхъ мы овладѣли канавой.

Австрийцы ушли влѣсъ.

Съ особенной бодростью и мужествомъ наши солдаты преслѣдовали австрийцевъ; благодаря густотѣ лѣса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стрѣльба производилась въ упоръ, и мы черезъ незначительное время приблизились къ главнымъ непріятельскимъ силамъ на разстояніе 450 шаговъ.

Но жаркій бой завязался на другой опушкѣ лѣса, куда мы отгѣснили австрийцевъ.

Тамъ по насъ открыли сильный ружейный и пулеметный огонь запасныя силы австрийцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ весь полкъ былъ въ бою.

Австрийцы стали наступать густыми коллонами, но по всей линіи встрѣтили ожесточенный отпоръ.

Мы съ большой поспѣшностью продолжали наступать.

Однако, несмотря на большую численность непріятели, мы къ вечеру отогнали его отъ Злочева на разстояніи 10 верстъ.

Непріятели отступали, оставляя на мѣстѣ сраженія раненыхъ и убитыхъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ бой прекратился.

Съ большимъ урономъ для австрийцевъ мы отогнали ихъ на далекое разстояніе. Отступая, Австрийцы почти ничего не разрушили на пути.

РАЗСКАЗЪ РЯДОВОГО.

Побывавшіе въ дыму боевого огня, раненые привезли съ собою живое содержаніе страшной дѣйствительности, которою сейчасъ живетъ и питается русскій народъ. Отъ нихъ повѣяло атмосферой раскаленныхъ огнемъ и обильно политыхъ кровью полей битвъ, тѣхъ полей, куда жадно устремлены наши взоры и гдѣ висить на волоскѣ жизня нашихъ отцевъ, мужей, братьевъ.

Въ разказахъ нѣтъ ни малѣйшаго бахвальства. Сквозить

спокойное сознание внутренней мощи и признание серьезной силы врага. Эпизодические рассказы относятся къ первымъ боямъ, когда нашихъ силъ было на границѣ сравнительно немного и когда нерѣдки были случаи далеко неравнаго единоборства.

Насколько тяжела была служба, видно изъ того, что люди иступали въ бой съ численно превосходившимъ во много разъ противникомъ, не спавъ передъ тѣмъ четверо сутокъ.

— А что же вы дѣлали до боя?

А половина взвода работала надъ окопами, другая половина ходила въ дозоръ; потомъ мѣнялись.

Ну, вотъ, ночью-то, когда сидѣли въ окопахъ и, отдохнули бы.

— Какъ можно! Кругомъ кишитъ непріятель, конные разѣзды. Наскочить въ темнотѣ и кончено. Гдѣ тутъ спать.

— А дозорные?

— Да развѣ успѣютъ дозорные упредить конницу?

— Ну, какъ австрійцы—хороше воины?

Ничего себѣ. Плохого нельзя ничего сказать. Хитры, больно, бестии. Завсегда напередъ пускаютъ чеховъ.

— И что-же—чехи здорово дерутся?

Дерутся, только видно изъ подъ палки. При всякомъ удобномъ случаѣ сдаются въ плѣнъ, а потомъ даже не прочь драться вмѣстѣ съ нами противъ австрійцевъ.

— Какъ же чехамъ удается сдаваться?

— Да, теперь имъ трудненько стало. По началу они выкидывали бѣлый флагъ и вскидывали руки вверхъ. Ну, мы вѣрили, что сдаются, а потомъ австрійцы стали хитрить. Нарочно выкинуть флагъ, а какъ подступишь—давай стрѣлять.

— Чувствовали вы страхъ во время сраженія? Страшно-вато?

— Нѣтъ, этого сказать нельзя. Страшно и скверно себя чувствуешь только ночью. И то потому, что ничего не видишь. Не знаешь, гдѣ притаился непріятель. Подобьетъ тебя невѣдомо откуда залпомъ, а ты отвѣтить ему не можешь. А днемъ ничего. Идешь все на виду; видишь своихъ товарищей, прешь и не думаешь о страхѣ.

— Но вѣдь тутъ же падаютъ товарищи...

— Такъ что-жъ! На это и вниманія не обращаешь. Пули свистятъ, шрапнели лопаются, а ты себѣ только цѣлишь да стрѣляешь, только и видишь врага. Нѣтъ, ничего не страшно.

СТУДЕНТЪ ДОБРОВОЛЕЦЪ,

Пѣхотинецъ на бѣломъ рывакѣ. Тяжелая желтая обувь съ накладными голенищами на зстежкахъ, и простая русская солдатская рубашка защитнаго цвѣта.

Таковъ нѣсколько необыкновенный видъ имѣеть доброволецъ-студентъ 3-го курса юридическаго факультета университета св. Владимира—Марцель Рабиновичъ участникъ нѣсколькихъ сраженій, предшествовавшихъ взятію Галича, Тарнополя и Львова. Онъ рассказываетъ:

Подъ Галичемъ, куда мы прибыли 13—14 августа, австрійцы выставили крупныя силы. Линія начавшихся сраженій растянулась на громадное расстояние. Стычки и сраженія шли въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отрядъ, въ которомъ я участвовалъ, состоялъ изъ трехъ полковъ. Позади насъ были резервныя войска. Рапо утромъ нашъ центръ началъ атаку австрійцевъ частымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Австрійцы упорно отвѣчали, не сдавая позиціи. Вскорѣ, однако, они выкинули бѣлый флагъ. Это было, конечно, понято, какъ знакъ, обозначающій капитуляцію. Но какъ только мы прекратили стрѣльбу и начали быстро приближаться къ нимъ, они неожиданно открыли частый орудійный огонь. Нашъ центръ дрогнулъ и началъ отступать, энергично отстрѣливаясь. Былъ моментъ, когда у солдатъ начали истощаться патроны, а повозка, снабжавшая насъ частью патронами, долго не появлялась. И вотъ, учтя моментъ, одинъ изъ нашихъ батальонныхъ командировъ выхватилъ изъ ноженъ пашку и съ крикомъ «впередъ, въ штыки!» бросился къ неприятелю, увлекая за собой три полка. Австрійцы оцетинились, дрогнули, но не отступили. Началась жестокая рукопашная... Неприятель началъ уже пятиться, но очень медленно. Судьбу сраженія рѣшила ошибка австрійцевъ. Этимъ воспользовался нашъ лѣвый флангъ и форсированнымъ маршемъ обогнулъ одно изъ крыльевъ австрійскаго фронта, ощутившись въ тылу австрійцевъ. Часть австрійцевъ шарахнулась налѣво. А другая, стоявшая ближе къ нашему, стряду обошедшему австрійцевъ съ тыла, была съ двухъ сторонъ разбита на голову. Все поле усѣялось ранеными и убитыми австрійцами... О томъ, какъ были велики потери неприятеля, можете судить хотя-бы по тому, что мы вышедше изъ борьбы побѣдителями, потеряли въ этомъ сраженіи 630 убитыми. Уронъ австрійцевъ былъ гораздо значительнѣе.

— Послѣ этого былъ отданъ приказъ наступать по всему фронту. Вскорѣ нами былъ занятъ Галичъ. А затѣмъ началась осада Львова. Когда я уѣзжалъ съ театра войны,—а это было еще нѣсколько дней тому назадъ,—нами было взято 4 форта.

Здѣсь, впрочемъ, работала преимущественно артиллерія.

— Отчего вы хромаете?—спрашиваютъ рассказчика.

— Осколокъ снаряда угодилъ мнѣ въ ногу. Но рана оказалась несерьезной, и я, какъ видите, нахожу даже возможнымъ гарцовать на лошади. Въ одной опасной развѣдкѣ и трехъ жаркихъ сраженіяхъ (подъ Тарнополемъ, Трамбовлей и Пидганицами) мнѣ повезло. И только подъ Галичемъ я былъ раненъ въ ногу. За участие въ этихъ сраженіяхъ я буду представленъ, какъ заявило мнѣ начальство, къ Георгію 4-й ст.

— Вы спрашиваете, какимъ образомъ я изъ пѣхотинца превратился въ кавалериста. Это было подъ Галичемъ. Намъ послали на развѣдку, коотрая велась группами. Мнѣ лично было предоставлено обслѣдовать небольшой лѣсъ. Я притаился въ гущѣ, пробираясь недалеко отъ тропинки. Вскорѣ предо мною на тропинкѣ выросъ австрійскій кавалеристъ офицеръ. Не замѣтить меня онъ не могъ. Выбирать долго не приходилось. Я прицѣлился изъ ружья, крикнувъ всаднику «руки вверхъ!». При малѣйшей съ его стороны попыткѣ сопротивляться я-бы, конечно, спустилъ курокъ. У офицера выборъ былъ одинъ—сдаться. Онъ это и сдѣлалъ. Я обезоружилъ его и повелъ въ нашу часть въ качествѣ плѣнника. Съ разрѣшенія командира полкъ лошадь предоставлена была мнѣ въ полную мою собственность. Мало того, мнѣ предоставлено было провезти ее бесплатно въ Одессу. А возить ее пришлось не только по старымъ, но и новымъ нашимъ, только что завоеваннымъ дорогамъ.

— Каково настроеніе солдатъ?

— Удивительно спокойное. Увѣренность въ побѣдѣ не покидаетъ солдатъ ни на одну минуту.. Мнѣ приходилось наблюдать въ самыя жаркія минуты. Пули жужжатъ надъ головой, а они шутятъ, острятъ... Веселая тамъ жизнь. Поживу немного въ Одессѣ, полечу ногу, а тамъ думаю двинуть на прусскій театръ войны. Интересно видѣть настоящихъ нѣмцевъ. Хотя и эти—австрійскіе нѣмцы дерутся съ ожесточеніемъ. На моихъ глазахъ одинъ раненый австріецъ покушался убить раненаго русскаго... Мое вмѣшательство помѣшало этому... Со славянами изъ австрійской арміи легче воевать: если они и сражаются съ нами, то только изъ-подъ австрійскаго кнута.

БИТВА ПРИ ЦЕРЬ-ПЛАНИНЪ.

Корреспондентъ «Р. С.», вернувшійся съ передовыхъ позицій на Дринѣ и Савѣ, такъ описываетъ эту ставшей знаменитой битву.

Тамъ въ продолженіи пяти сутокъ, говоритъ онъ, была страшная, кровопролитная битва, въ которой храбрые, неустрашимые сербы одержали блестящую побѣду надъ численно вдвое болѣе сильнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ лучше снабженнымъ противникомъ.

Австрійцы, начавъ одновременно съ дипломатическими шагами противъ Сербіи мобилизацію своихъ войскъ, успѣли стянуть свои восемь корпусовъ къ границѣ Сербіи на десять дней раньше, чѣмъ могла закончить сосредоточеніе своихъ силъ Сербія.

Пока Сербскія войска послѣ мобилизаціи усиленными переходами стремились къ берегамъ Савы, Дуная и Дрины, побережья эти охранялись лишь слабыми отрядами третьяго призыва, вооруженными винтовками Бердана.

Произведя развѣдки вдоль и поперекъ всей сѣверной и западной части Сербіи, австрійцы убѣдились въ томъ, что раньше первыхъ чиселъ августа сербы не въ состояніи принять бой въ этой мѣстности.

Воспользовавшись этимъ преимуществомъ, они навели мосты сразу въ четырехъ мѣстахъ: на Савѣ—близъ Шабача и на Дринѣ—близъ Лешницы, Лозницы и Малаго Зворника, и начали сразу переправлять на сербскую территорию значительные отряды, тѣснѣе жиденькія обсервационныя цѣпи третьяго призыва.

Такимъ образомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней австрійцы успѣли перебросить черезъ Дрину и Саву пять корпусовъ, во главѣ которыхъ шелъ несчастный восьмой пражскій корпусъ, теперь болѣе не существующій, подъ командой фельдцейхмейстера барона Гизля, брата бывшаго австрійскаго посланника въ Бѣлградѣ.

Къ 1-му августа вся западная полоса Сербіи, отъ Шабача до Рогатицы на Дринѣ, находилась въ рукахъ противника. Занявъ почти безпрепятственно весьма важные въ стратегическомъ отношеніи хребты и отроги Церъ-Планины, Видоевицы и Верха, доминирующіе съ Сѣвера и юга надъ всѣмъ занятымъ пространствомъ, австрійцы быстро двинулись впередъ.

Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы ударить въ тылъ и во флангъ находившимся въ походѣ сербскимъ войскамъ, разбить ихъ по частямъ, а затѣмъ отойти въ долину Скра-

нея, къ западу отъ р. Моравы, и долину Колубари и отсюда угрожать Кругаевацу—центру сербской Пумади, гдѣ находился единственный въ Сербіи оружейный заводъ.

Если бы этотъ планъ австрійцевъ удался, то, съ одной стороны, ихъ боснійская граница была бы обезпечена, а съ другой—ихъ отряды угрожали бы Моравской долиной, разсѣкающей Сербію на двѣ половины. Вѣлградъ и Смедерево стали бы въ этомъ случаѣ легкой добычей австрійцевъ.

Положеніе было весьма критическимъ. Въслѣдствіе отсутствія стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ на западномъ фронтѣ, сербскія войска дѣлали нечеловѣческія усилія для того, чтобы заблаговременно подоспѣть и остановить триумфальное шествіе противника въглубь страны.

Одна сербская дивизія перваго призыва за восемь дней прошла 400 километровъ и пошла въ бой, передохнувъ всего только одну ночь.

Измученные усиленными переходами при 36° жары, солдаты тревожились лишь объ одномъ,—не слишкомъ ли поздно они явились для того, чтобы помѣриться силами съ противникомъ на родной сербской землѣ.

Только 31-го іюля сербы имѣли сравнительно достаточно силъ на западномъ фронтѣ для того, чтобы остановить дальнейшее наступленіе противника.

Немедленно былъ отданъ приказъ о наступленіи.

1-го августа, подъ впечатлѣніемъ учиненныхъ венгерскими полками звѣрствъ надъ беззащитными стариками, женщинами и дѣтьми, сербскіе отряды вихремъ двинулись къ непріятельскимъ позиціямъ, стораая желаніемъ отомстить новымъ гуннамъ за нанесеніе обидъ мирнымъ, ни въ чемъ неповиннымъ жителямъ.

Озадаченные неожиданнымъ быстрымъ натискомъ, тѣснимые по всему фронту, со всѣхъ сторонъ сербскими войсками, пускавшими въ ходъ преимущественно штыки и ручныя бомбы, поражаемые мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ артиллеріи, австрійцы начали отступать по всей линіи, устремляясь къ укрѣпленнымъ пунктамъ Церъ-Планины и Иверка, гдѣ и собирались дать сербамъ генеральное сраженіе.

Собравшись у подножія Церъ-Планины и Видосвицы, сербы начали подыматься по ихъ крутымъ склонамъ подъ страшнымъ артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Начался страшный бой, съ небольшими перерывами, длившийся полныя пять сутокъ.

Объ орудійной канонадѣ, отъ грохота взрывающихся снарядовъ стонала земля, содрогался воздухъ.

Несмотря на убийственный огонь, сербы медленно, но неуклонно подвигались вперед, заливая своей молоденкой кровью каждую пядь святой родной земли.

Послѣ неимовѣрныхъ, титаническихъ усилий, лишь 5-го августа, поздней ночью, удалось окончательно сразить укрѣпившагося врага и овладѣть послѣдней, высшей точкой отнынѣ сдѣлавшагося историческимъ Цера, по отрогамъ котораго горами лежали убитые,—много и сербовъ, но австрійцевъ втрое болѣе.

Пораженіе австрійцевъ было полное. Началось паническое бѣгство деморализованнаго врага, который, стремясь безъ оглядки къ переправамъ черезъ Дрину, бросалъ на пути все. Тысячи шинелей, ружей, множество пулеметовъ, огромное количество амуниціи и другихъ боевыхъ припасовъ разбросано на пути отъ Цера до Дрины.

Десятки тысячъ мертвыхъ людей, масса убитыхъ лошадей лежали на пройденномъ пространствѣ, заражая воздухъ зловоніемъ.

Предпринятая Австріей противъ Сербіи «карательная экспедиція», съ помощью Божіей, благодаря беззавѣтной любви сербовъ къ родинѣ, превратилась въ карательную экспедицію для подвластныхъ Австріи народовъ, отъ которой болѣе всѣхъ пострадали братья-чехи и отчасти братья-хорваты. на долю которыхъ, согласно адски-задуманному плану высшаго начальства, выпала обязанность стоять въ первой боевой линіи.

Восьмого пражскаго корпуса, по свидѣтельству плѣнныхъ, болѣе не существуетъ. Полки 28, 94, 9 и 102 буквально уничтожены.

Спаслись изъ братьевъ-чеховъ лишь тѣ, кто попалъ въ плѣнъ, да жалкіе остатки какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ полковъ, усилившіе добраться до быстрыхъ водъ бушующей кровавыми струями Дрины.

ПОДЪ ГРУБЕШОВЫМЪ.

Раненый подъ Грубешовымъ подѣлился своими впечатлѣніями съ сотрудникомъ «Р.».

Собесѣдникъ раненъ двумя пулями—въ руку у локтя и въ плечо. Обѣ раны онъ получилъ овъ одномъ изъ первыхъ боевъ подъ Грубешовымъ. Затѣмъ попалъ въ плѣнь къ австрійцамъ. Оставался у нихъ всего 6 часовъ и былъ отбитъ нашей артиллеріей.

Онъ москвичъ, торговецъ, призванный въ дѣйствующую армию изъ запаса. Несмотря на двѣ раны, очень оживленъ. Мы бесѣдуемъ въ просторной, свѣтлой и чистой палатѣ одного изъ петроградскихъ военныхъ госпиталей.

Въ палатѣ человѣкъ двадцать раненыхъ. Всѣ прислушиваются къ нашему разговору. Одни лежатъ, другіе стоятъ вокругъ койки моего собесѣдника, кое-кто вставляетъ реплики. Москвичъ приподнялся на локтѣ здоровой руки и съ большимъ оживленіемъ ведетъ свой рассказъ объ участіи въ походѣ и сраженіи.

Его часть довели по желѣзной дорогѣ до Ковеля. Оттуда военнымъ маршемъ отправились во Владимиръ-Волынской. Здѣсь непріятеля уже не было, но еще оставались яркіе слѣды его пребыванія. Во многихъ мѣстахъ города и въ окрестныхъ деревняхъ попадались разрушенныя и полусожженныя жилища. Еще чаще встрѣчались глубокія, выкопанныя населеніемъ, притавшимся въ нихъ отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня.

Разказчикъ не находитъ словъ для описанія той трогательной встрѣчи, какую устроило здѣсь войскамъ населеніе. Навстрѣчу солдатамъ шли старики, бабы, дѣти—всѣ и несли имъ все, что могли: молоко, куръ, яйца, хлѣбъ. Угощали наперебой и чуть не на рукахъ носили. Дивизія, почти не останавливаясь во Владимирѣ-Волынскомъ, прошла дальше, къ Грубешову.

Съ непріятелемъ встрѣтились неожиданно. Какой-то другой нашъ полкъ расположился въ лѣсу объѣдать. Тутъ-то на него вдругъ нагрянули австрійцы въ значительно превосходящихъ силахъ. На помощь полку случайно подоспѣла дивизія. Благодаря такой неожиданности, къ непріятелю подошли настолько близко, что перестрѣлка велась на разстояніи не болѣе шестисотъ саженой.

Сраженіе началось около 9 часовъ утра. Съ обѣихъ сторонъ развили сильнѣйшій огонь. Но непріятель былъ въ большихъ силахъ и видимо, не намѣревался отступать. Пѣсколько разъ наши солдаты рвались перейти въ атаку, но командный составъ ихъ сдерживалъ.

Такъ прошелъ весь день. Уже начало смеркаться, а исходъ боя еще не намѣчался. Вначалѣ огонь австріецевъ былъ мало губительнымъ. Наша артиллерія, черезъ головы своихъ, прикрывая ихъ, обстрѣливала непріятельскія позиціи. Артиллерійскій огонь противника также направлялся къ полосѣ нашихъ батарей и войска находились какъ бы подъ крышей обстрѣла. Только гулъ былъ такой, что даже команды нельзя было слышать.

Когда стало смеркаться, батареи замолчали и усилился ружейный огонь. Понемногу продвигаясь впередъ, наша дивизія приблизилась къ непріятелю, и ихъ раздѣляло теперь разстояніе не болѣе двухсотъ саженой. Уже хорошо было видно другъ друга. Но тутъ у нашихъ оказались разстрѣленными патроны. Не желая отступать, бросились въ атаку. Въ это-то время съ «фланга», какъ говоритъ рассказчикъ, «то есть, съ боку», затрещали пулеметы.

Подъ губительнымъ дѣйствіемъ ихъ огня пришлось-таки отойти. Рассказчикъ былъ раненъ въ руку. Все же онъ пытался поспѣть за своими. Но когда перебѣгалъ лѣсную поляну, за которой находился непріятель, вторая пуля угодила въ плечо. Сзади кто-то крикнулъ: «Ложись въ канаву, а то до смерти убьютъ», и раненый поспѣшилъ исполнить совѣтъ. Тутъ его и забрали австрійцы.

— Что же,—спрашиваю,—очень худо у нихъ было?

— Нѣтъ, господинъ, грѣхъ пожаловаться. Другіе сказывали, что обижаютъ они, это точно. Говорили, будто приканчиваютъ нашихъ. А мнѣ посчастливилось къ хорошему попасть. Какъ привели меня, перво-наперво они здороваться всею мной стали. Потомъ одинъ табаку мнѣ тащить, другой сухарей, третій подошеть—сахару кусокъ далъ. Я пить захотѣлъ, попросилъ. У нихъ воды не оказалось, такъ они мнѣ изъ своей фляжки вина дали. Ихній докторъ раны мнѣ перевязалъ.

Къ разсвѣту наши нагрянули и тутъ имъ на утеки пришлось. Отступать стали и насъ плѣнныхъ, и своихъ раненыхъ побросали. Мнѣ говорятъ—мы бы тебя взяли, да итти намъ далеко, а подводъ нѣтъ, тащиться съ тобою несподручно.

— Такъ ты, братъ, не къ нѣмцамъ, а къ славянамъ попалъ,—замѣчаетъ стоящій возлѣ военныѣ врачъ.

— А кто ихъ знаетъ? Всѣ они—австріяки. Положимъ, съ нами, которые въ вагонѣ сюда ѣхали, такъ всю дорогу по нашему Богу молились. Цѣловаться къ намъ все лѣзли. «Итъ за чего, говорить, мы воевать должны, если одному Богу молимся? Мы—чеки».

Раненный подъ Львовомъ солдатъ весьма картинно описалъ одно изъ ожесточенныхъ львовскихъ сраженій. Онъ лежалъ въ цѣли, въ бѣшенномъ огнѣ. Рвалась шрапнель, трещали ружья, гремѣли пушки. Лѣвый флангъ нашъ стали тѣснить.

Очень горячились наши молодые офицеры. Солдаты все ихъ оберегали.

— Намъ-то въ окопахъ лежать ничего, безопасно, а офицера ходять все. Ихъ и бьютъ. Жалко. Просимъ, чтобы прилегли.

— А если товарища рядомъ въ цѣли убьютъ—видно?

А какъ же! Тутъ главная работа и есть. Сейчасъ команда—убрать убитаго. Берутъ и относятъ въ сторону. А на его мѣсто ложится новый изъ заднихъ рядовъ.

ПОДЪ ЛЬЕЖЕМЪ.

Корреспондентъ «Times'a» даетъ описаніе первыхъ дней обороны Льежа.

Трудно повѣрить, но нѣмцы шли въ атаку плечомъ къ плечу. Такъ поступалъ въ рѣшительныя минуты Наполеонъ; по его примѣру распорядились теперь нѣмецкіе генералы. Результаты этой тактики сказались немедленно. По тѣснымъ рядамъ германскихъ батальоновъ, которые гнали впередъ офицеры, былъ открытъ отчаянный огонь. Снаряды валили людей цѣлыми улицами. Труны падали, какъ трава подъ косой.

Форты гремѣли своими тяжелыми орудіями. Пѣхота въ окопахъ сѣяла смертоносный градъ пуль. Подъ нимъ таяли германскіе отряды одинъ за другимъ, и потрясенные, обезсиленные, разбитые отходили назадъ. На смѣну имъ гнали новыя и новыя жертвы, и они шли, какъ овцы на бойню.

Бельгийцы также понесли не малый уронъ. Но за каждаго выбитаго изъ строя бельгийца германцы потеряли по крайней мѣрѣ троихъ.

Битва разгоралась по всей линіи. Къ полудню нѣмцамъ удалось подойти къ одному изъ фортовъ и залечь въ мертвомъ пространствѣ, куда не достигали снаряды тяжелыхъ орудій. Здѣсь они считали себя въ безопасности. Они не знали, что ждетъ ихъ. Вотъ они поднялись и бросились къ форту. Одна минута, рѣзкій рокотъ пулеметовъ, и немногіе уцѣлѣвшіе въ ужасѣ бѣгутъ назадъ, оставивъ за собою цѣлыя груды человѣческихъ тѣлъ. Пулеметы вывели весь скатъ, какъ метлой.

Въ это время бельгийская пѣхота, находившаяся въ траншеяхъ не удовольствовалась одной стрѣльбой. Когда нѣмцы подходили ближе, бельгийцы прекращали огонь и бросались на нихъ со штыками. Штыковыя атаки производились цѣлый день. И они наводили на нѣмцевъ настоящій ужасъ. При одномъ видѣ холодной стали германскіе войска, мужественно шедшія противъ пуля, повертывались и бросались въ бѣгство. Многие же бросали ружья, поднимая къверху руки и сдавались. Во время этихъ штыковыхъ ударовъ были взяты цѣлыя толпы плѣнныхъ.

Въ ночь съ 23 іюля на 24-е германцы поддерживали по фортамъ неумолкавшую ни на мигъ канонаду. Въ дѣлѣ принимали участіе не менѣе 100.000 человѣкъ. Но форты платили нѣмцамъ съ лихвой.

Весь день 23 іюля штормъ свирѣпствовалъ съ прежнимъ бѣшенствомъ. Рѣзня, рѣзня, рѣзня.

Два бельгийскихъ летчика поднялись надъ Льежемъ и полетѣли по направленію западныхъ фортовъ. По нимъ открыли огонь и нѣмцы, и бельгийцы принявъ ихъ за непріятеля. Снаряды къ счастью не достигали ихъ, но сострясеніе воздуха отъ взрывовъ было такъ велико, что аэропланы качало, какъ корабли въ штормѣ. Летчики говорятъ, что никакія нервы не въ состояніи вынести этого опыта.

О настроеніи бельгийцевъ свидѣтельствуетъ слѣдующее. Въ въ день битвы въ университетѣ былъ назначенъ выпускной экзаменъ. Намѣревались отложить его до дрюгого раза, но студенты настояли на немедленномъ экзаменѣ. Изъ университетскаго зала послѣ экзамена они отправились на поле битвы и многие черезъ нѣсколько часовъ обратились въ безжизненные трупы.

Послѣ двухъ дней сраженія пошелъ дождь, сначала мелкій, а потомъ настоящій ливень. «Это рука Господня,—говорили бельгийцы.—Дороги испортятся и задержатъ доставку осадныхъ орудій». Это вѣрно. Но дождь былъ ужасомъ для ра-

ненныхъ, лежавшихъ грудями на полѣ битвы. Бельгийцы сдѣлали все возможное, чтобы облегчить ихъ страданія, но задача слишкомъ огромна и неисполнима. Имъ удалось спасти сравнительно немногихъ. Нѣтъ возможности притти на помощь всѣмъ этимъ тысячамъ и тысячамъ стонущихъ отъ ранъ и истекающихъ кровью жертвъ честолюбія Вильгельма Гогенцоллерна.

ГЕРОЙ ЛЬЕЖА.

«Русскому Слову» телеграфируютъ изъ Парижа, со словъ газеты «Le Petit Parisien», о послѣднихъ часахъ обороны Льежа.

— Герой обороны Льежа, генераль Леманъ, находится въ настоящее время въ Магдебургѣ, въ качествѣ военнопленнаго.

Какъ теперь окончательно выяснилось, паденіе Льежа произошло 4-го (17) августа.

Въ тотъ день командующій германской осадной арміей въ послѣдній разъ предложилъ генералу Леману сдать крѣпость. Генераль отвѣтилъ на это предложеніе категорическимъ отказомъ. Въ это время, однако, положеніе крѣпости было безнадежно. Было немислимо продержаться хотя бы еще одинъ часъ въ случаѣ возобновленія бомбардировки.

Тогда генераль Леманъ заперся въ фортѣ Лозенъ, собралъ своихъ офицеровъ и, обратившись къ нимъ просто, какъ къ товарищамъ, сказалъ:

— Вы храбро сражались за нашу дорогую родину. Борьба стала невозможной. Сопротивляться долѣе было бы безуміемъ. И такъ уже довольно пролито крови. Ваша воинская честь незапятнана. Пришелъ часъ намъ проститься и пожать другъ другу руки. Я рѣшилъ умереть здѣсь. Лозенъ будетъ моей могилой.

Тогда всѣ офицеры, охваченные однимъ порывомъ, просили генерала продолжать бой, и всѣ поклялись умереть рядомъ съ нимъ.

Въ послѣдній разъ загремѣли орудія, сотрясая полуразрушенные бастіоны форта. Потомъ они замолчали. И вдругъ раздался ужасный взрывъ. Всѣ въ городѣ Льежѣ, видѣвшіе это, затрепетали отъ ужаса: генераль Леманъ взорвалъ себя вмѣстѣ со своимъ фортомъ.

Но желанію героя не суждено было исполниться.

Изъ всѣхъ своихъ товарищей онъ одинъ уцѣлѣлъ подъ обломками развалинъ. Истекающій кровью, онъ еще дышалъ. Онъ и теперь живетъ, и, быть-можетъ, жизнь его еще будетъ спасена заботливымъ уходомъ, въ которомъ ему не отказываютъ даже враги. Даже Вильгельмъ отдавая дань уваженія такому противнику, приказалъ возвратить генералу Леману его саблю.

ОСАДА НАМЮРА.

Въ Парижъ прибыло нѣсколько бельгійскихъ авіаторовъ, благополучно улетѣвшихъ изъ Намюра передъ самымъ взятіемъ города.

Летчики рассказываютъ:

— Бомбардировка Намюра началась 6-го августа. Густыя массы нѣмцевъ обложили городъ. Изъ-подъ Льежа была подвезена сильная осадная артиллерія, и начался обстрѣлъ фортовъ.

Поражала великолѣпная освѣдомленность нѣмцевъ во всемъ, что касалось расположенія кварталовъ города. Германцы поддерживали частый концентрированный огонь по самымъ незащищеннымъ мѣстамъ.

Надо было опредѣлить и зафиксировать непріятельскія позиціи. Это было поручено авіаторамъ.

Тайна германской освѣдомленности вскорѣ разъяснилась. Намъ, авіаторамъ, удалось перехватить посланную по беспроволочному телеграфу депешу, адресованную нѣмцами въ Намюръ, своему шпиону. Германцы требовали отъ него болѣе точныхъ сообщеній о позиціяхъ.

Къ сожалѣнію, двое нашихъ товарищей, аппараты которыхъ были подстрѣлены нѣмцами, были вынуждены спуститься въ районъ расположенія непріятели. Ихъ схватили и тутъ же разстрѣляли. Остальнымъ, къ счастью, удалось вернуться благополучно въ Намюръ.

Бомбардировка была ужасающая. Въ одинъ фортъ Маршевелетъ нѣмцы выпустили 1,240 крупныхъ снарядовъ и превратили его въ груды развалинъ.

Разрушительная сила обстрѣла была такъ велика, что держаться долѣе въ Намюрѣ было невозможно. Наши войска отступили, взорвавъ предварительно фортъ Конюле.

Черезъ часъ полчища нѣмецкихъ войскъ уже вступали въ Намюръ.

КОРОЛЬ - СОЛДАТЪ.

Бельгійскій корреспондентъ газеты «Daily Chronicle» приводитъ интересныя данныя объ образѣ жизни въ походѣ короля Альберта.

— Король бельгійцевъ,—говоритъ онъ,—весь день проводитъ среди своихъ солдатъ, успокаивая и ободряя ихъ своимъ присутствіемъ. Онъ ненавидитъ церемоніаль; онъ предпочитаетъ даже, чтобы его не узнавали, чтобы видѣть вещи такими, какими онѣ являются на самомъ дѣлѣ.

Король одѣтъ въ простую синюю форму, безъ всякихъ орденовъ и регалии, которые подчеркивали бы его высокое званіе.

Это не кабинетный офицеръ. Онъ проводитъ всѣ ночи на бивуакѣ рядомъ со своими храбрыми солдатами. Для переездовъ онъ пользуется автомобилемъ, которымъ управляетъ шофферъ-солдатъ. Изрѣдка короля сопровождаетъ какой-нибудь офицеръ.

Король, всегда появляется тамъ, гдѣ идетъ сраженіе. Я много разъ видѣлъ его спѣшащимъ куда-либо по улицѣ того или другого города. Въ суматохѣ и шумѣ войны мало кто обращаетъ на другихъ вниманіе. Короля часто толкаютъ, перегоняя или отстраняя съ дороги.

Еще меньше обращаютъ на него вниманіе во время сраженія. Высокій, красивый мужчина въ ринсе-пез, одѣтый въ покрытый пылью мундиръ, слишкомъ просто выглядитъ и просто держится, чтобы привлекать вниманіе. Часто можно видѣть его въ госпиталяхъ, гдѣ столько же раненыхъ нѣмцевъ, сколько и бельгійцевъ.

На-дняхъ поздно вечеромъ я набрелъ на короля Альберта. Онъ сидѣлъ у края дороги, кушая бутерброды и заливая ихъ водой изъ солдатской фляжки. Такая спартанская простота—одна изъ его характерныхъ чертъ.

Король ѣздитъ безъ свиты, и когда его автомобиль останавливается гражданской гвардіей или крестьянами, добровольно взявшими на себя обязанности сельской полиціи, онъ предъявляетъ свой пропускъ.

Пропускъ выданъ главнымъ штабомъ и подписанъ начальникомъ штаба. Въ немъ помѣчены: полное имя короля, мѣсто рожденія; профессія: король бельгійцевъ.

ЮНОША-ГЕРОЙ.

(Эпизедъ изъ сраженія подь Льежемъ).

Каждый день пишетъ бельгійскіи корреспондентъ, «The Daily Telegraph», приносить новые случаи героизма бельгійскихъ юношей, почти дѣтей, которые такъ безстрашно рискуютъ во имя независимости ихъ маленькой родины своей жизнью. Къ сожалѣнію до насъ доходятъ слишкомъ немногіе изъ этихъ случаевъ. Большинство юныхъ героевъ либо молчатъ изъ скромности, либо замолкло навсегда.

Почти на моихъ глазахъ капраль Люпинъ, 18-лѣтній мальчикъ, умеръ героемъ.

Мы расположились на правомъ берегу Мааса, у Бельэра, близъ Жюбиля, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ германской батареей. Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ не прекращался ни на одну минуту. Я вытянулся рядомъ съ солдатами. Передъ самымъ носомъ сплющивались пули, поднимая тучи песку и грязи. Глаза, ротъ и уши были полны пескомъ и порохомъ. Трупы валялись кругомъ съ лицами черными отъ пороха и искаженными въ ужасную гримасу смерти. Ихъ холодныя руки, со вздутыми жилами, не выпускали своихъ убійственныхъ маузеровъ. Только тутъ я понялъ всю ужасную красоту войны.

Внезапно нѣмцы измѣнили свою тактику и, нужно имъ отдать справедливость сдѣлали искусный маневръ.

Они, какъ будто оставили свои позиціи. Мы могли видѣть, какъ ихъ ряды разсыпались во всѣ стороны, будто бы въ страшномъ смятеніи, но это было сдѣлано затѣмъ чтобы пропустить впередъ примчавшуюся на помощь артиллерию. Черезъ нѣкоторое время было ясно, что съ удвоенными силами они имѣютъ уже значительный перевѣсъ надъ нами и всѣ шансы на успѣхъ.

Вотъ въ этотъ моментъ капраль Люпенъ и сдѣлалъ то, что спасло насъ отъ пораженія и заставило нѣмцевъ удалиться.

Люпинъ вскочилъ и съ крикомъ: «Предоставьте ихъ теперь мнѣ», съ быстротой молнии бросился куда то влѣво подь защитой рва.

Маюръ Жанъ зналъ своего 18 лѣтняго капрала и зналъ, что онъ не рискнетъ своей жизнью безъ нужды.

— Стрѣляйте,—закричалъ онъ,—достаньте эти мѣдныя лбы вашими пулями! Пли!..

Тѣмъ временемъ Люпинъ подобрался слѣва къ германской батарее и въ 300 метрахъ отъ нея спрятался за стѣной.

Онъ совершенно свободно и хладнокровно прицѣлился

изъ своей засады и подъ огнемъ его маузера быстро свалились командующий офицеръ, два унтеръ-офицера и солдатъ.

Германская артиллерія къ этому времени разстрѣляла почти всѣ свои ядра. Ружейные выстрѣлы въ такой близости внушили имъ мысль, что цѣлый отрядъ находится за стѣной. Они выпустили прямо въ стѣну послѣдній залпъ и отступили.

Подъ облаками рухнувшей съ грохотомъ стѣны погибъ 18 лѣтній герой.

НѢМЕЦЪ О ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ.

Незадолго до начала войны въ Германіи вышла въ свѣтъ книга отставного капитана перваго пѣхотнаго полка Ганса Поммера, подъ заглавіемъ: «20 лѣтъ службы пѣхотнаго офицера». Въ связи съ развертывающимися событиями эта книга приобрѣтаетъ значительный интересъ, какъ крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ груди германскаго патриота при видѣ нравственнаго разложенія и постепенной гибели бывшихъ хорошихъ свойствъ германской арміи.

Однимъ изъ основныхъ золь германской арміи онъ считаетъ безотчетный культъ дисциплины, доведенной до излишества. Эта дисциплина основана исключительно на страхѣ наказанія и поэтому не можетъ имѣть никакого значенія въ моментъ, когда жизнь поставлена на карту. Германскія офицеры не имѣютъ никакого нравственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ. Отсюда — великое множество наказаній, налагаемыхъ на солдатъ.

Желѣзная дисциплина убила въ германскомъ офицерскомъ корпусѣ живой духъ инициативы. «Сколько разъ мнѣ приходилось слышать горестныя признанія молодыхъ офицеровъ, что не стоитъ ничего дѣлать, такъ какъ, что бы кто ни дѣлалъ, онъ всегда будетъ неправъ», — пишетъ въ своей книгѣ Гансъ Поммеръ.

Германскіе офицеры не брезгаютъ никакими средствами, чтобы добывать деньги на свои расходы... Иногда они прибѣгаютъ къ шантажу и угрожаютъ своимъ товарищамъ оглашениемъ компрометирующихъ исторій, требуя за молчаніе опредѣленную мзду. Они не считаютъ для себя зазорнымъ продавать своимъ товарищамъ по очень высокимъ цѣнамъ завѣдомо никуда негодныхъ лошадей. Это стало бытовымъ явленіемъ въ германской арміи. Недаромъ широко распространена

среди германскихъ офицеровъ слѣдующая поговорка: «Лошадь столько стоитъ, сколько за нее дастъ дуракъ, который ее кушитъ».

Пьянство и всяческія половыя извращенія,—вотъ другія язвы германскихъ офицеровъ. Германскій офицеръ, окруженный почтительнымъ удивленіемъ своихъ штатскихъ соотечественниковъ, не устоялъ противъ всемогущихъ соблазновъ огромныхъ городовъ...

Цѣннымъ ключемъ къ выясненію психологии германскаго офицерства является то мѣсто книги, которое посвящено описанію прощальнаго обѣда въ Эльзербонскомъ лагерѣ, устроеннаго въ честь уѣзжавшей кавалерійской дивизіи. Духъ какого-то разнузданнаго вандализма вѣялъ надъ участниками этой пьяной оргіи. Офицеры били посуду и статуи, рѣзали картины, разбивали въ щепы стулья, и т. д. Съ нихъ словно соскочилъ тонкій наружный лоскъ цивилизаци, и изъ-подъ него глянулъ первобытный дикарь, охваченный маніей разрушенія.

Офицеры не даютъ себѣ никакого труда, чтобы скрыть свои пьяныя безумства отъ солдатъ. Само собою разумѣется, что давно уже среди солдатъ палъ былой культъ уваженія къ начальству.

Свою книгу Поммеръ заканчиваетъ призывомъ къ нравственному обновленію всей, сверху до низу, германской арміи. Благопожеланія германскаго офицера, имѣвшаго мужество честно и прямо бросить въ лицо германскому офицерству слова тяжелой истины, не успѣли претвориться въ жизнь. Грянула война, и германскіе офицеры въ лицѣ Прейскера, фонъ-Цоллерна и другихъ, явили міру зрѣлище глубокаго моральнаго паденія.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр
Боевое крещеніе	3
Страшно начало	5
Первый разъ въ бою	6
Наканунѣ боя	7
Разсказъ раненаго офицера	8
Подъ Львовомъ	10
Какъ сражаются австрійцы	11
Подробности боя у Томошова	11
У Сокаля	12
Бой	13
Разсказъ корнета	15
Письмо русскаго воина	16
Письмо офицера	17
Письмо добровольца	17
Впечатлѣнія офицера М.	19
Въ огнѣ	21
Разсказы раненыхъ	25
Въ Пруссіи	26
Послѣ битвы	27
Подъ Ужбаленомъ	28

	Стр.
Бой у Сталупенена	29
Подъ Городкомъ	30
У Владиміра-Волынска	31
Подъ Кѣльцами	34
Въ Ченстоховѣ	35
Казаки	37
Казацкая пика	37
Кузьма Крючковъ	38
Два сына и отецъ въ строю	39
Въ плѣну у нѣмцевъ	41
Взятіе орудія	42
Герой велосипедистъ	42
Символическій „трофей“	43
Русскіе и нѣмцы	43
Подвигъ гусара	44
4 противъ 38	46
Героиня	47
Рѣдкій герой	47
Въ Польшѣ	48
Бой въ облакахъ	48
Еще о казакахъ	49
Казачья скромность	51
Подвигъ раненаго	52
Бой съ австрійцами	52
Разсказъ подполковника	53
Бой подъ Гораемъ	54
О мертвыхъ на полѣ битвы	54
На Люблинскомъ фронтѣ	56

	Стр.
Эпизодъ войны	57
Нѣмцы добиваютъ раненыхъ	58
Въ Инстербургѣ	59
Бой подь Злочевымъ	59
Разсказъ рядового	60
Студентъ доброволецъ	62
Битва при Церъ-Планинѣ	64
Подь Грубешовымъ	67
Подь Льежомъ	69
Герой Льежа	71
Осада Намюра	72
Король—солдатъ	73
Юноша—герой	74
Нѣмецъ о германской арміи	75

